

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

КРЫСЯТНИК

ЭКСМО

Воровской криминальный роман

Евгений Сухов

Крысятник

«ЭКСМО»

2001

Сухов Е. Е.

Крысятник / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2001 — (Воровской криминальный роман)

Легендарный держатель воровского общака Варяг в ярости: какой-то крысятник мочит его людей и тянет лапы к святому – общаку. Майор МУРа Чертанов взбешен не меньше: дерзкий отморозок бросил вызов лично ему – лихому оперу. И менты, и братва жаждут наказать отморозка. Но крысятник, похоже, крутой малый, он не дремлет. В результате майор парится в СИЗО, а Варяг вынужден на время покинуть Россию. Идут малявы из тюрьмы на волю, опера и братва роют землю, встревоженно гудят сходняки – шумит большая охота. Кто же первым увидит, какого цвета кровь у беспредельщика – Варяг или Чертанов?

© Сухов Е. Е., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	24
Глава 5	37
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Евгений Сухов

Крысятник¹

Часть 1

ХОЗЯИН В ЧУЖИХ УГОДЬЯХ

Глава 1

КАК СТАТЬ МИЛЛИОНЕРОМ?

– Что тебе нужно? Ты кто? – спросил Лось, пытаясь сохранить независимый вид. Серый растянул губы в снисходительной улыбке.

Что ему нужно? Если каждому рассказывать, то жизни не хватит. Что нужно человеку, который только что откинулся после восьмилетней отсидки и оказался в столице с ее тысячей и одним соблазном? Да все нужно! Для начала – хотя бы одну из телок, которые отсвечивают сквозь маечки сосками, пупы напоказ выставляют, задками обкатанными перед глазами вертят. Мочалки многоразовые, прошмандовки, а без денег даже подержаться не дают. Зато если он, Серый, сядет за руль одной из шикарных иномарок, которых в городе развелось, как грязи, то получится совсем другой коленкор. К такому «мессеру» или там «бээмвэру» – «лопатник» еще бы пальца в три толщиной. Голдовый жгут на шею – в палец. И фарту – хотя бы с мизинец, с ноготок. Если улыбнется Серому удача, то уже сегодня Лось шепнет ему, где Варяг, кореш его закадычный, общак держит.

Многих грел тот общак на зоне, которую совсем недавно топтал Серый. Ему тоже кой-чего перепадало: то чифирнет вволю, то анашой обкурится. Но подбирать крохи с хозяйского стола – не его профиль. Он сам хотел пожировать за этим столом.

– Ты хоть понимаешь, на кого прешь, рогомет дешевый? – повысил голос Лось, решивший, что молчание Серого вызвано колебанием или неуверенностью.

Их разделяло всего лишь полтора метра. Оптимальное расстояние для внезапного нападения. Серый специально выбрал такую расстановку и теперь ждал, когда противник купится на его небрежную позу.

– Не тебе о рогах рассуждать, сохатый, – бросил он, провоцируя Лося на решительные действия.

Заточка в его руке опустилась жалом вниз.

– Ха! – выверившись, Лось ринулся на Серого.

Весу в нем было чуть меньше центнера, но мозги в общей массе занимали всего ничего. Серый сделал неуловимый шаг в сторону, и направленный в лицо ему кулак мощно врезался в забор. Тут и заточка подоспела. Взмах – и она пригвоздила правую руку Лося к доске. Еще один взмах – и вторая заточка вонзилась в левое предплечье противника, парализуя мышцы.

– Лучше не дергайся, – предупредил Серый, любуясь своей работой. – У меня кое-что получше есть. – Он показал Лося пистолет с глушителем, который извлек из тайника сразу по возвращении в Москву. Как выяснилось, вещь в современном мире – совершенно необходимая.

– Падла! – прошипел Лось, обнаружив, что не в состоянии освободиться самостоятельно.

– Заткнись, – небрежно бросил Серый. – Пасть будешь открывать, когда я тебе велю на вопросы отвечать.

– Да пошел ты!..

На первом году отсидки Серого тоже однажды послали. Он хотел сделать вид, что не услышал, но на выходе из промзоны земля шепотком пояснил, что ожидает ночью в бараке того, кто оставляет без ответа подобные оскорбления. Тогда-то и смастерил Серый свою первую заточку, кривую, корявую. Семь лет спустя, когда душевного землю пришлось тоже на тот свет спроваживать, он уже был мастером своего дела. Приставил к промежутку между ребрами острое и слегка пристукнул ладонью, вот и вся наука...

Шагнув вперед, Серый коротко съездил Лося по губам. Тот дернулся и получил добавку – рукоятью пистолета промеж глаз. Так и обвис на шатком заборе вокруг дома своей матушки, которую примчался проведывать.

Про Лося и про его матушку Серому тоже покойный земля рассказал, с которым они в одной семье кентовались – на зоне все норвят сбиться в стайки, чтобы легче переносились тяготы эковской жизни. Этот земля по прозвищу Кукан много чего знал и в разговорах удержу не знал. За длинный язык и пострадал в свое время. Где-то чего-то ляпнул, кто-то про то проведал. Землю, который до тех пор считался честным вором и с самим Варягом корефанил, чуть было не опустили, но потом сделали скидку на его молодость и заслуги и просто перевели в разряд мужиков. А все истории при нем остались. В том числе про общак, который Варяг держит. И про подручного Варяга – Лося.

Если не считать воров, то у Лося лишь один близкий человек остался – престарелая мать, проживающая в деревне Пятихатки. Ухаживать за ней он соседей приставил, которым за то платил. Однажды, когда старуху дачники обидели, он среди ночи из города примчался, дачников тех нашел и наказал их так, что потом чуть не схлопотал несерьезную бакланью статью за нанесение побоев и унижение человеческого достоинства. Короче, любил Лось свою матушку. На этой его струнке и сыграл Серый.

* * *

Когда Лося позвонил мужик, представившийся соседом его матери, и сказал, что мать при смерти, он, долго не раздумывая, запрыгнул в тачку и помчался в Пятихатки. Корешей среди ночи будить не стал, чем они могли ему пособить? Лишь потом, когда из темноты шагнула незнакомая фигура с пикой в руке, он смекнул, что говор звонившего показался ему мало похожим на деревенский. Но теперь было поздно локти кусать. Тем более что до них Лось дотянуться никак не мог. Ловко его этот чернявый фраер к забору пришпилил. Как жука для коллекции.

Придя в себя, он первым делом попытался поднять левую руку, но из этой затеи опять ничего не вышло.

– Не напрягайся, – глумливо ухмыльнулся чернявый. – Я тебе нервный узел проткнул. И это только один маленький фокус из моего обширного репертуара.

Очевидно, в этот момент он чувствовал себя творцом и дьяволом одновременно, во власти которого было загубить чужую душу или подарить ей жизнь.

– Звонил ты? – угрюмо спросил Лось.

– А то кто же? – на этот раз хвастливо усмехнулся чернявый. Взявшись за рукоять заточки, он поднапрягся и выдернул ее из забора, освободив правую руку Лося. Заметив, что тот сжал ее в кулак, поднял ствол на уровень живота противника и предупредил: – Матушка твоя сейчас десятый сон видит. Каково ей будет, если она на шум выбежит и сыночка своего мертвым увидит?

Лось представил, но не себя ему стало жаль, а мать. Пропадет без него старушка в этой проклятой жизни.

– Я так понимаю, у тебя дело ко мне есть? – спросил он. – Так давай отъедем куда-нибудь и разберемся. Я не убегу, отвечаю.

– Небось в тачке волына припрятана? – чернявый кивнул на стоящую поодаль машину. – Думаешь, ты хитрее меня? Нет. – Он покачал головой. – Здесь поговорим. И если результаты беседы меня не устроят, то тебе уже никуда ходить не придется.

– Ладно, давай базарить. – Лось расставил ноги пошире.

– Давай. – В голосе чернявого отчетливо слышались насмешливые нотки. – Только будь, пожалуйста, паинькой и не делай лишних движений. Я очень не люблю нервных людей и при каждом удобном случае сокращаю их количество на земле.

– Ты по делу говори, – предложил Лось. – А то нагнал пурги – прямо в ушах свистит.

– Давай по делу, – согласился чернявый, неотрывно наблюдая за каждым движением собеседника. – Меня интересует общак, который держит твой кент Варяг. Все, мои карты открыты. А теперь, сэр, ваш ход.

– Откуда тебе известно про общак? Через кого ты вышел на Варяга?

– Мы что, поменялись ролями? Вопросы здесь задаю я!

Лось покачал головой.

– Настоящему вору такие вопросы задавать бесполезно. Можешь босяков всяких пытаться да сявок. Только они тебе тоже ничего не скажут.

– Почему? – быстро спросил чернявый.

– Потому что не знают.

– А ты знаешь?

– Допустим. Но из меня легче жилы вытянуть, чем правду.

– Да, выходит, я дал промашку, – признал чернявый после некоторого раздумья. – Не с того конца начал клубок разматывать. Кто жил вором, тот вором и помрет... Тебе ведь понятия дороже жизни, верно?

– И что теперь? – пасмурно поинтересовался Лось. – Пристрелишь меня?

– С чего ты взял? Разойдемся, как в море корабли.

Сверкнувший в темноте взгляд с головой выдал чернявого – Лось видел перед собой прирожденного убийцу. Настоящего безжалостного хищника, с раздувающимися в предчувствии запаха крови ноздрями. Такой замочит и небрежной походкой скучающего бездельника отправится выискивать новую жертву.

– Не надо меня здесь кончать, – попросил Лось. – Уведи куда-нибудь... подальше.

Победить в схватке или умереть хотелось не под окнами матери. Не переживет старушка смерти единственного сына. Но и если увидит его самого над трупом врага, то хорошего тоже мало. С ее-то слабым сердцем...

– Кто тебя убивать собирается? Кому ты нужен? Шагай на все четыре стороны.

– Как зовут тебя, добрый человек? – спросил Лось, отлично понимая, что судьба его предрешена.

– Можешь называть меня Серым.

– Серый, – повторил Лось, незаметно проверяя, вернулась ли подвижность его левой руки. – Я же все понимаю, Серый. Тебе нет никакого резона меня живым оставлять. Но последнюю просьбу смертника принято выполнять. Пойдем отсюда, прошу.

Противник смерил его изучающим взглядом и кивнул:

– Что ж, уважу тебя... А может, все-таки сдашь кассу? Смотри, ночь какая лунная. Помирать-то неохота, а?

– Веди! – потребовал Лось.

– Хозяин – барин. – Серый пожал плечами и нажал на спусковой крючок. Выстрел прозвучал не громче хлопка откупоренной банки пива. Даже после того, как пуля пробила череп Лосю, он попытался уйти в темноту, подальше от калитки. На третьем шаге его колени подогнулись. Привалившись к забору, он медленно осел на землю и застыл.

– Не жди меня, мама, хорошего сына, – пропел Серый вполголоса и спрятал оружие.

В контрольном выстреле не было необходимости. Заглянув в остекленные глаза покойника, он пошел прочь, подумывая о том, что поездка в деревню прошла не без пользы. Во-первых, Серый теперь знал, что общак все-таки действительно существует. Во-вторых, раз Лось мертв, то его должны будут проводить в последний путь по христианскому обычаю. А на похоронах все кодро Варяга соберется, во главе с паханом. Там Серый и намеревался предпринять новую попытку.

Глава 2

У СМЕРТИ ЖЕЛТЫЕ ГЛАЗА

Лапы ельника мягко разошлись в стороны, и на тропу, проложенную в глубоком снегу, шагнул огромный уссурийский тигр. Зверь на мгновение остановился, чуть приподняв крупную красивую голову, втянул черными влажными ноздрями воздух. И, не уловив враждебного запаха, лениво зашагал дальше. От его неторопливой грации веяло спокойствием и одновременно дикой силой. Тигр двигался так, как это мог делать только хозяин, отчетливо осознавая, что и за тысячи таежных верст не встретит равного.

Люди нарекли его Басурманом.

И совсем не случайно. Егерям он казался страшным и непонятым. Тигру полагалось кормиться в тайге кабанами, а заодно наводить страх на большую и малую живность, а этот, презрев голос предков, озоровал на окраине поселков.

Поначалу его поведение воспринималось как обыкновенная шалость могучего зверя – подумаешь, невидаль, вырезал всех бездомных собак в округе! Но уже через месяц стали пропадать даже дворовые собаки. И ладно бы Басурман резал псов по большой нужде, на прокорм, что объяснимо, а то баловство одно – оттащит псину в тайгу, поиграет немного с жертвой в кошки-мышки, а потом от скуки возьмет да и стиснет могучими челюстями череп. А труп, как опытный мокрушник, непременно присыплет землей где-нибудь в укромном уголке. Басурман, он и есть басурман.

И, что удивительно, собаки пропадали безо всякого лая, чего отродясь не случалось. И даже бывалым охотникам трудно было объяснить подобный феномен. Скорее всего, псы просто немели от ужаса, столкнувшись нос к носу с оскаленной мордой хозяина тайги.

Уже через три месяца в близлежащих поселках было вырезано более половины всех собак. А те немногие псы, что оставались пока в живых, не желали идти в тайгу даже с хозяином.

Несколько раз охотники организовывали на Басурмана охоту, устраивали засады на заповедных тропах, обкладывая капканами его любимые лежки, но зверь, чувствуя опасность, уходил, оставляя на память о себе свежий помет. Это походило на издевку. Казалось, тигр наделен неким высшим разумом, который помогал ему избегать самых хитроумных ловушек таежных промысловиков.

Худшее случилось во время последней облавы, когда Басурман, загнанный охотниками на скалу, в прыжке порвал лапой одного егеря и, махнув на прощание полосатым хвостом, скрылся в ельнике. А уже на следующий день он загрыз бродягу, прибившегося к охотничьему поселку и жившего на подавание сердобольных жителей.

Посоветовавшись, мужики сошлись в мнении, что Басурман почувствовал вкус человеческой крови, и остановить его можно было теперь только хорошей порцией картечи.

Опасения сполна подтвердились уже через трое суток, когда зверь напал на еще двух пришлых людей, промышлявших сбором побегов молодого папоротника. Причем одного из них он изгрыз наполовину, а другому лишь переломал в могучих объятиях кости и уже мертвого завалил его лапником неподалеку от домов, примыкавших к лесу.

Как это всегда бывает, ужасная новость о тигре-людоеде мгновенно разлетелась по отдаленным поселкам да заимкам, сея панику среди их населения. По мере распространения слухов они обрастали все более чудовищными подробностями. И у каждого, кто знал хотя бы десятую часть легенды, создавалось впечатление, что под любым таежным кустом прячется по парочке тигров-душегубов.

Улицы враз обезлюдели, и уже ничто не напоминало о той безмятежности, что царила на них в прежние времена. Только самые отчаянные, из числа бичей, продолжали забираться в самую чащу, потому как папоротник ценился куда дороже их пропащих жизней.

В подобные походы провожали, как на войну. Артельщики вручали бедовому собрату старинную иконку, листок с заветными молитвами и, перекрестив в спину, провожали в путь-дорожку, уповая на чудесный исход. Возвращение, если оно случалось, праздновалось с большой помпой. Помимо похвал и дармового угощения, счастливики заполучали на всю ночь восемнадцатилетнюю Катку – толстую девку с распущенными волосами и манерами.

Но благополучное возвращение отмечалось далеко не всегда, и все чаще бродяги, собравшись гуртом, пивали мутную брагу за сгинувшего сотоварища, а таежные охотники в самых неожиданных местах обнаруживали очередной обезображенный труп.

Зверь, презрев голос предков, советовавший ему не пересекаться с людьми без необходимости, объявил человечеству войну, и огромные следы, превосходившие величиной человеческую ладонь, теперь можно было встретить даже у самых порогов изб.

Коварством, умом и хитростью Басурман значительно превосходил своих сородичей. В противостоянии с человеком людоед набирался не только опыта, но и разума. И чем внушительнее выглядел список его жертв, тем более изощренным и гибким становилось поведение и мышление зверя.

Причем Басурман зверюга был особенный, куда более непредсказуемый, чем прежние людоеды. Казалось, сам сатана покровительствовал ему. Как из-под земли, возникал он за спиной облюбованной жертвы, и даже опытные егеря не успевали отреагировать на столь неожиданное нападение. Иногда, словно выказывая презрение к преследователям, Басурман рвал в клочья их палатки и разбрасывал по земле содержимое, гадя на съестные припасы. А неделю назад он утащил в чащобу одного из самых опытных охотников Уссурийска, путившегося в одиночку на поиски людоеда.

Охотника нашли только на третий день, – вернее то, что от него осталось, – окровавленный скальп да обглоданную добела берцовую кость.

* * *

Такая вот беспокойная зима выдалась в крае, когда в Уссурийск прибыл Михаил Чертанов – в прошлом охотник, из потомственных егерей. Но в свое время он уехал в Москву, и получилось так, что там и остался. Корни в столице пустил, светловолосым мальчонкой обзавелся. Никто уж не ожидал его снова увидеть в родных краях, а Михаил, надо же, объявился.

Охотник он был потомственный – Чертановы испокон веку промышляли в тайге с ружьишкой, а потому, когда младший Чертанов заявил, что выследит Басурмана, у земляков появилась слабая, но все-таки хоть какая-то надежда.

Для предстоящей охоты Михаил выбрал винтовку «вепрь». Мощное, безотказное оружие с точным боем. Единственный недостаток – сильнейшая отдача, но опытный стрелок знает, как пользоваться сошками...

Выбрав небольшую полянку, с которой хорошо просматривалась звериная тропа, Михаил принялся ждать. Он понятия не имел, когда здесь появится Басурман, но что тот придет непременно, знал наверняка. Два дня назад его территорию пересек крупный тигр и неторопливо направился в сторону бухты. Басурман не потревожил чужака, давая тому возможность покинуть свои владения. Но непрощенный гость повел себя не по-джентльменски и, проследовав вдоль границы, неожиданно заинтересовался басурманским гаремом. Теперь хозяину непременно следовало подтвердить свое господство и должным образом наказать наглеца. Михаил знал, что людоед отправится по следу соперника, с отвращением вдыхая запах его меток и все

сильнее переполняясь праведным гневом. Где-то на этом отрезке пути у зверя должна притупиться бдительность, и человек, заваленный пахучим лапником, останется им незамеченным.

Впервые увидев тигра через оптику, Михаил невольно залюбовался им.

Его нарядная окраска смотрелась на белоснежном фоне ярко, почти вызывающе. Вздыхая при каждом скачке целые тучи снега, он напоминал нетерпеливого любовника, спешащего на свидание с избранницей. Но действительность была иной – это был убийца, жаждущий крови мщения. Михаил видел в окуляр его безжалостные желтые глаза, его черную пасть, оснащенную огромными клыками, видел игру могучих мускулов под атласной шкурой. На секунду ему стало жаль этого красавца, который даже не подозревал, что находится от гибели всего лишь на расстоянии полета пули.

Каждый настоящий охотник способен интуитивно предугадывать поведение зверя. Между ними как будто устанавливается некая телепатическая связь. Но и чуткий зверь может предугадать появление охотника. Так что еще до начала смертельной схватки происходит столкновение воли и характеров.

Басурман замер, глядя в ту сторону, где спрятался Михаил. Зверь не мог видеть охотника – слишком велико было расстояние между ними, не мог его учуять, так как двигался с подветренной стороны. И все же Басурман безошибочно определил, что является объектом наблюдения. Подобную прозорливость невозможно было объяснить лишь звериным инстинктом или даже шестым чувством – это было нечто сверхъестественное, чему нет названия.

Басурман не видел Михаила, но тем не менее знал, что палец охотника уже лежит на спусковом крючке, а темное отверстие ствола выскивает цель. И все же зверь оставался на месте, хотя ему достаточно было одного могучего прыжка, чтобы исчезнуть в густом кедровнике.

Обычно Басурман шутя уходил от тигроловов. Он чувствовал, что каждый из этих вооруженных людей в отдельности слабее его. Но тот, кто затаился в лесу теперь, казался Басурману достойным противником. Могучий зверь давал человеку возможность вступить в поединок. Застыв между пихтами, он как будто предлагал помериться с ним силами.

Рассматривая хищника, совершенного, как сама природа, Михаил вдруг подумал, что не только стремление доказать свое превосходство заставляет зверя так долго и так неподвижно ждать выстрела. В его взгляде, помимо высокомерия и свирепости, проглядывала мольба – зверь хотел, чтобы его остановили. Такие глаза можно наблюдать только у кающихся убийц.

Михаил подкрутил колесико настройки прицела, приблизив глаза зверя. Они смотрели неподвижно и прямо, как будто заглядывали в самую душу. «Стреляй! – призывал Басурман взглядом. – Убей меня сейчас, на расстоянии, потому что в следующий раз будет мой ход, и тогда тебе вряд ли удастся отсидеться в кустах! Стреляй, и я не отведу взгляд в сторону, потому что это означает покориться твоей воле, а меня можно только убить, но не подчинить!»

Михаил всегда считал себя сильным человеком, но сейчас, взгляды в немигающие тигриные глаза, он вдруг осознал, что, будучи застреленным из засады, Басурман все равно окажется победителем. И напряженный палец оставил в покое спусковой крючок, давая Басурману свободу действий.

Михаил принял брошенный вызов.

Ему показалось, что зверь понимающе ухмыльнулся. Едва ствол винтовки опустился, как он направился напрямиком в сторону охотника, уже несколько не таясь. Тигр как будто щеголял собственной удалью: картинно перемахивал через непроходимые завалы, легко передвигался по глубокому снегу, не забывая при этом бросать в сторону затаившегося человека долгие пронзительные взгляды. Михаил был очарован его совершенной грацией, которая действовала на него почти гипнотически. Даже если бы людоед в эту минуту оказался от него всего лишь на расстоянии десяти метров, то у него вряд ли хватило решимости всадить в него пулю. Подобное

чувство ведомо почти каждому охотнику на тигра, и многие из них не вернулись домой из тайги лишь потому, что попали под магическое очарование желтых глаз.

Пять лет назад, в январе, таким же людоедом был порван отец Михаила, подпустивший к себе зверя непростительно близко. Тогда оплошности опытного тигролова не нашлось объяснения. И только сейчас Михаил осознал, что у бати просто не оставалось выбора. Сначала тигр заворожил его взглядом, сумел подчинить своей воле, а потом пришел и убил.

Похоже, теперь это наваждение происходило и с Михаилом.

Он прикрыл веки, помассировал пальцами глазные яблоки и несколько раз глубоко вдохнул отрезвляющий морозный воздух. Того тигра, с приметным кривым шрамом на правом боку, обнаружить не удалось. После отца он порвал еще двух охотников и канул в неизвестность. Возможно, зверюга угодил в капкан к тигроловам, и кости его уже давно истлели, хотя Михаил до последней минуты продолжал надеяться, что выслеживает именно убийцу своего отца. Но теперь, рассмотрев Басурмана через мощную оптику, он твердо знал – это совсем другой зверь. И явился он по душе Михаила.

Смерть, принявшая тигриний облик, неумолимо подбиралась все ближе. Оскалившийся Басурман надвигался огромными прыжками, молча и сосредоточенно. Михаил запоздало подумал о том, что ему не стоило принимать вызов, – зверь его переиграл. Еще каких-то три прыжка, и последует удар могучей лапой, который с легкостью раздробит череп и перебьет пополам позвоночник. Мысль о том, что через секунду он будет валяться в сугробе поломанной куклой, заставила Михаила очнуться.

Грянул выстрел.

Его громкое эхо ухнуло где-то в вершине елей, стряхнув с их широких лап пласты тяжелого снега. Михаил увидел взметнувшуюся в воздух трехсоткилограммовую тушу и инстинктивно закрыл руками голову.

Убитый зверь крепко придавил Михаила, распоров когтистой лапой полушубок, и охотнику составило немало труда, чтобы выкарабкаться из-под окровавленного тела. Пуля вошла тигру в горло и, перебив артерию и челюстные дуги, застряла где-то в недрах черепа.

– Чего же ты медлил?! Раньше стрелять нужно было! – спешил к Михаилу дедок лет восьмидесяти. Крепенький и необыкновенно худой, он напоминал ствол ожившего сухостоя или векового лешака, выбравшегося из-под сугроба. – Ты думаешь, мне мало одной беды? Сына тигр порвал, не хватало еще, чтобы и внука заел! Что же ты делаешь-то со мной?!

Дедуля энергично топал по снегу, рассерженно потрясая винтовкой.

– Да уймись ты, дед, – устало произнес Михаил. – Так нужно было.

– Нужно, говоришь?.. Предупреждал я тебя, нельзя смотреть ему в глаза, вот он тебя и приворожил! Не один охотник так сгинул! – И, обреченно махнув рукой, произнес: – Ну что еще с тобой делать! – Вплотную приблизившись, произнес: – Огромный зверь! Ты клык у него вырви... Если не сделаешь этого, тогда его душа в другого тигра переселится. И при себе зуб храни, так оно надежнее будет.

– Да знаю, дед, – отмахнулся Михаил, вглядываясь в остекленевшие глаза зверя. – Сколько же можно одно и то же говорить!

– А ты не ершишь, – сурово сказал старик, подступая к поверженному зверю, и деловито заглянул ему в пасть. – Вот этот подойдет... Ты посмотри, какой огромный, все равно что ятаган басурманский! Нравится? – Догадавшись, что ответа не будет, старик махнул рукой. – Ладно, я сам справлю тебе этот зубок. А еще и заговорю на него, чтобы напасти какой-нибудь не принес. Так всегда у нас было, по таежному обычаю.

– Спасибо, – пробормотал Михаил с облегчением.

– Ты когда в Москву-то улетаешь, внучок?

– Дай хотя бы немного оклематься от столичной жизни, дед. В другой раз начальство не скоро позволит в отпуск вырваться!

– Это правильно! – одобрил старик. – Москва чужим слезам не верит, а ты ее указы не шибко жалуй. Будете квиты.

Глава 3 ВОКРУГ ДА ОКОЛО

Похороны Лосю, как и предполагал Серый, были устроены пышные. Варяг не мог не почтить их своим присутствием, он обязан был попрощаться со своим корешем, точно так же, как взять на себя заботу о его матери. Серому оставалось выбрать удобный момент и попытаться добраться до Варяга.

Народу на панихиде собралось множество, среди собравшихся даже мелькали лица певцов, артистов и политиков, которых Серый видел прежде только по телевизору в красном уголке ИТК. А вот некоторые личности были знакомы ему по кичам, этапам и зонам. Он незаметно усмехнулся. Вот жил себе вор, и никто даже не подозревал, насколько широк у него круг общения, а гляди-ка, его, оказывается, всем жалко: от юркого одесского каталы до благообразного попа с кадилом. И, созерцая скорбь на лицах собравшихся, Серый подумал, что смерть сближает людей так, как это не удается сделать жизни.

Варяг появился только на кладбище и то лишь для того, чтобы бросить в могилу ком слипшейся земли. Постояв с минуту у коричневого холмика, он, в окружении трех телохранителей, зашагал по аллее к выходу. Походка у него, как отметил двинувшийся следом Серый, была излишне торопливой, а замыкавший шествие охранник временами бросал настороженные взгляды через плечо, словно опасаясь выстрела в спину.

Похоже, смерть Лося насторожила пахана, хотя Серый постарался обставить убийство как заурядный грабеж, даже часть денег, обнаруженных на трупе, бросил рядом для наглядности, мол, впопыхах обронили.

У самых ворот кладбища Варяга поджидал бронированный «Мерседес». Дверца распахнута, а внутри виднелся еще один охранник, баюкающий на коленях миниатюрный «каштан». Лицо сосредоточенное, блуждающие глаза как будто выискивают подходящую мишень, на которой можно опробовать свою опасную игрушку. Нечего было думать о том, чтобы застичь Варяга врасплох. Телохранители свое дело знали и вели босса так, что мышь между ними не прошмыгнет.

Серый перевел взгляд на водителя, выскочившего, чтобы услужливо отворить перед хозяином дверцу, и с изумлением опознал в нем Степу Пятнистого, который чалился в одной с ним зоне под Челябинском и уже тогда шестерил при блатных. С тех пор Степан значительно раздобрел, сменил прическу, приоделся. Единственное, что не изменилось в его внешности, так это здоровенная родинка на правой щеке, за которую он и получил свое погоняло.

Серый со Степаном не то чтобы корешан, но и непоняток между ними не случилось, а один раз они даже на пару в ШИЗО угодили. Выходя на волю, Степан Серому адресок чиркнул, прося заглянуть как-нибудь на огонек, и вот теперь такой случай представился. Память у Серого была отменная, и выудить из нее нужный адрес ему не составило особого труда.

* * *

Вместо того чтобы отсвечивать на поминках, где его мог узнать кто-нибудь из приближенных Варяга, Серый посвятил остаток дня и вечер более важным и полезным делам, которые успешно разрешались с помощью пистолета. В 22.00, когда он подъехал к нужному дому, он уже был далеко не тем оборванцем, который еще недавно пускал слюнки при виде чебуреков на Казанском вокзале. Но особой радости на душе не было. Серый мечтал о таком куше, который позволил бы ему больше никогда не выходить на дело, рискуя вновь очутиться на нарах. Ради этого он и затеял свою опасную игру.

Изобразив на тонких губах дежурную улыбку, Серый позвонил в металлическую дверь. На канареечную трель хозяин отозвался не сразу, сначала за порогом послышалось настороженное шуршание, – его явно изучали в глазок, и лишь потом прозвучал не слишком дружжелюбный голос Степана:

– Кто там?

– Плохо старых друзей не узнавать, – бодро откликнулся Серый. – Посмотри внимательно, не узнаешь разве?

Молчание показалось ему долгим, хотя длилось оно не более минуты, а потом из-за двери раздался восторженное:

– Серега Назаров, бля буду!

Заскрежетали замки, и возникший в дверном проеме Степан прищелкнул языком:

– Да ты, как я погляжу, хорошо в этой жизни устроился! Где такие шикарные шмотки надыбал?

– Взял займы у одного олигарха, возвращать надо, – отшутился Серый, проникая в квартиру, – но сейчас разговор не об этом. Давай обойдемся без лишнего базара, мы ведь неплохо знаем друг друга. Заработать хочешь?

Степан почесал свою родинку:

– А много?

– Не волнуйся, этих денег тебе хватит на десять лет безбедной жизни.

– Тогда вопрос, откуда у тебя эти деньги?

– Лось из общака выделил, – решил блефануть Серый.

– Так, значит, это ты его уделал? – насторожился Степан. Сигарета, которую он взялся прикуривать, задрожала в его губах. – Я знаю людей, которым может это не понравиться.

– Ты говоришь о Варяге?

– Да. Лось был его правой рукой, и убийцу Лося повсюду ищут.

– Но никто ведь не узнает, что искать нужно меня. – Взгляд Серого сделался неподвижным. – Верно?

– Предположим, – ответил Степан, помявшись.

– Тогда давай не будем о покойниках. Как тебе мое предложение?

– Что тебе сказать... Разбогатеть, конечно, хочется. Но что от меня требуется? На мокрую меня фаловать бесполезно.

Серый сдержанно усмехнулся:

– Я вижу, ты чтить библейские заповеди. Это хорошо! Хочу тебя заверить, что никого убивать не надо, – просто ты должен будешь заложить взрывчатку под одну машину, в которой в этот момент никого не будет. В Библии о таком грехе ничего не говорится.

– Хм... Предложение заманчивое. И что это за тачка?

Серый пренебрежительно пожал плечами:

– Так, ничего особенного, «Мерседес» шестисотой модели.

Степан выпучил глаза:

– Тоже мне: «ничего особенного»! Его стоимость за сотню тысяч баксов зашкаливает!

– А чего тебе, собственно, переживать? Не твои же деньги.

– Так-то оно, конечно, так, – в задумчивости протянул Степан. – И чей «мерс» ты собираешься взорвать?

– А тот самый, на котором ты пахана своего возишь! – безмятежно ответил Серый.

– Ты спятил?! – Степан чуть не проглотил свою сигарету.

– А что тут такого? – притворно удивился Серый. – Броня делу не помеха. Я знаю самое уязвимое место этой машины. От нее останутся только горящие обломки.

– Ты хоть знаешь, кому принадлежит этот «Мерседес»?!

– Конечно, знаю. Варягу.

– Вот именно, Варягу! – подтвердил Степан, бегая по комнате. – Если что не так, то нас живьем в землю заруют! И это будет самая легкая смерть, между прочим!

– Лучше думай о том, какая жизнь тебя ждет, когда ты будешь богат и свободен, как птица, – посоветовал Серый.

– Как ты себе это представляешь? Думаешь, так просто войти в гараж и подложить в «Мерседес» взрывчатку? Машина Варяга охраняется день и ночь. Она даже на пять минут не остается без присмотра!

– Вижу, что в общих чертах мой план принимается, и мы уже начинаем обсуждать его детали, – поощрительно качнул головой Серый, развалившийся на диване. – Ты водитель и можешь подойти к своей машине в любое время. Мало ли какая может случиться поломка? Скажем, двигатель барахлит, а может, зажигалка не работает. Тут у тебя самый обширный простор для фантазии.

– Мне надо подумать, – пробормотал Степан, усевшийся в кресло напротив.

– Чтобы тебе лучше думалось, взгляни на это. – Серый извлек из внутреннего кармана пиджака внушительную пачку долларов, перетянутую резинкой. Это была самая обычная «кукла», с помощью которой кидают лохов. Сотня долларов вверху, сотня внизу, а все остальное – резаная бумага. Бутерброд с фальшивой начинкой, но зато какой аппетитный на вид!

– Сколько здесь? – спросил Степан сиплым голосом.

– Ровно тридцать штук.

– За такое серьезное дело этого недостаточно, – начал торговаться Степан. Глаза у него алчно горели.

– Разве я тебе не сказал, что это всего лишь аванс? – притворно удивился Серый. – Остальное – после проведения мероприятия.

– Сколько, конкретно?

– В два раза больше! – пошел ва-банк Серый.

– Мало. Слишком большой риск. Я свою голову дороже оцениваю.

– Логично. Без головы далеко не уедешь... Ты, кстати, какую марку автомобилей предпочитаешь?

Степан мечтательно посмотрел в потолок:

– «Феррари».

– Как только Варяг взлетит на воздух, в придачу к деньгам ты получишь «Феррари» с белой лошадкой на капоте и домик на Кипре, – посулил Серый. – Море, солнце... Голые девочки показывают тебе танец живота и всего остального, чего ты захочешь!

– А, была не была! – воскликнул Степан с отчаянной решимостью. – Давай задаток!

– Значит, берешься заложить бомбу в «мерс» Варяга?

– Разве не ясно?

– Ты скажи: да или нет. Реально.

– Да! – почти выкрикнул Степан, нетерпеливо протягивая руку к пачке долларов. – Завидую твоей решимости, – улыбнулся Серый. – А я вот, знаешь, привык колебаться, сомневаться во всем... Вот и сейчас взял и передумал. – С этими словами он спрятал «куклу» на место.

– Так ты, выходит, просто по ушам мне ездил? – возмутился Степан. – Вот что, вали-ка ты отсюда, пока цел. Базар закончен!

– Нет, он только начинается, – издевательски произнес Серый. – Правда, продолжать мы будем уже без этой маленькой штучки...

Он не спеша достал диктофон, перемотал пленку назад и включил воспроизведение, давая возможность собеседнику послушать, как он только что продал своего босса с потрохами.

– Слово не воробей, – сказал он, выключив диктофон. – За слова отвечать надо. Боюсь, Варяга не умилила твоя мечта о «Феррари». Скорее всего, напоследок ты прокатишься в машине совсем другого класса, попроще. И не на Кипр, а в ближайший лесок.

Некоторое время в комнате царила гнетущая тишина, а потом Степан сдавленно пробормотал:

– Да, красиво ты меня развел, ничего не скажешь... А я, дурак, за кореша тебя держал... Вот и верь после этого людям!

– Тридцать штук, которые я тебе показывал, – твои, – твердо пообещал Серый. – Но получишь ты их после взрыва, а не вперед. Верить людям нельзя, тут я с тобой полностью согласен. И если ты сегодня продал Варяга, то почему бы тебе завтра не продать меня?

– Сегодня у нас какой день? – спросил Степан, обдумав услышанное. Он сам загнал себя в угол, и теперь у него не оставалось выхода.

– С утра была пятница, – ответил Серый, разглядывая свои новехонькие туфли.

– У Варяга есть привычка лично садиться за руль по воскресеньям. Он объясняет, что таким образом снимает стресс.

– Ты все равно его сопровождаешь?

– Да. Но он не будет возражать, если у меня в этот день найдутся другие дела. Могу же я, в конце концов, навестить подругу?

Серый кивнул:

– Разумеется, можешь.

– Ну вот. – Степан исподлобья глянул на него и поинтересовался: – Хлопушка при тебе?

– Получите и распишитесь. – Серый положил на колени кейс, щелкнул замками и достал небольшую коробку.

– Что-то маловата она для мины, – засомневался Степан.

– Не переживай. Громыхнет так, что от твоего хозяина даже штанов не останется. Это – пластит, он раза в два мощнее динамита. – Серый мечтательно улыбнулся. – Я, помню, в молодости подложил одному нехорошему человеку под дверь точно такую штуковину, так его потом отскребали от стены дома... на другой стороне улицы. Ха-ха-ха! – Он посерьезнел. – Вот эти проводочки замкнешь на зажигание. Часовой механизм включится одновременно с поворот ключа. Взрыв произойдет ровно через час. Подгонишь «мерс» своему боссу, пожелаешь ему счастливого пути и помашешь ручкой на прощание. Потом где-нибудь далеко бабахнет, и готово – ты обеспеченный человек, а не подневольный извозчик.

Степан осторожно принял из его рук протянутую коробочку.

– Лучше бы ты оставил мне побольше времени в запасе.

– Часа тебе вполне хватит... Итак, до послезавтра? – Серый поднялся на ноги, давая понять, что считает разговор законченным.

– Готовь деньги, – напомнил Степан.

– Все давно готово.

Серый говорил чистую правду. Мина была устроена таким образом, что взрыв должен был произойти сразу после замыкания проводов. Это была акция устрашения, а не покушение на убийство. Зачем уничтожать курочку, которая способна снести золотое яичко? Таковой курочкой являлся в глазах Серого Варяг. Следовало показать ему, что его жизнь находится в опасности, а потом, доказав серьезность своих намерений, перейти к переговорам. Взрыв был сродни предупредительному выстрелу. Если не всю воровскую кассу, то хотя бы часть ее рассчитывал получить в итоге Серый. Одураченный им Степан должен быть принесен в жертву во имя этой великой цели.

* * *

Когда Варяг неподвижно сидел, обдумывая ситуацию, он напоминал хищного насекомого, подстерегающего добычу. Вот сейчас легкокрылая бабочка запутается в паутине, и он стремительным рывком бросится вперед, чтобы парализовать ее смертоносным ядом. Так каза-

лось. На самом деле на этот раз Варяг понятия не имел, против кого направить накопившийся яд. У него появился невидимый враг. Сначала Лось. Потом Степан, взорвавшийся вместе с заминированным «Мерседесом» в подземном гараже. И, что хуже всего, невозможно было предугадать, откуда будет нанесен следующий удар. Чья группировка охотится за ним? Или акции проводятся какими-нибудь спецподразделениями?

От бедняги Степана остались одни обугленные головешки, хотя одна половина лица по капризу судьбы осталась почти неповрежденной. Водитель был опознан по родинке. «Мерседес» – по номерным знакам, один из которых взрывной волной выбросило наружу вместе с вышибленной дверью. Этот самый автомобиль с этим самым номером собирался стартовать в воскресенье из Москвы в Жуково. Но за рулем должен был сидеть сам Варяг, и это его голова могла обгореть наполовину, а не Степина. Если бы водителю не было поручено пригнать «Мерседес» на условное место, то пришлось бы самого Варяга опознавать. Вот же, блядство какое! Кулак вора ударил по столу. Владелец гаража уже спешно собирал деньги, чтобы компенсировать вору материальный и моральный урон, но Варягу этого было мало. Он бы, не торгуясь, выложил стоимость еще одного «шестисотого» за то, чтобы выяснить личность таинственного врага.

Словно в ответ его мыслям, зазвонил мобильный телефон.

– Слушаю, – сказал в трубку Варяг.

– И правильно делаешь. Тебе нужно очень внимательно слушать, чтобы сохранить на плечах свою голову.

Давно уже никто не осмеливался разговаривать с Варягом таким наглым тоном. Из этого можно было заключить, что звонит ему тот самый незнакомец, о котором он думал в последнее время.

– Кто ты? Что тебе от меня нужно?

– Вот и Лось мне те же самые вопросы задавал, – отозвался голос в трубке. – А теперь лежит в сырой земле, червей кормит...

– Нам разве есть что делить? – Варяг пытался скрыть клокотавшую в нем ярость.

– А как же!

– Что именно? Я вроде на чужую территорию не зарился.

– Территориями пусть географы занимаются, – усмехнулся голос. – Меня интересуют сугубо материальные вопросы.

– Какие? Не припоминаю, чтобы я кому-то задолжал...

– Ты – хранитель общака, не так ли? Лежишь на нем, как собака на сене, братве на зону чай байховый посылаешь, а сам на «мерсе» катаешься. Несправедливо.

– Мне есть перед кем отчет держать! – выкрикнул Варяг, едва сдерживаясь.

– А я не отчета требую – денег. Уступаешь мне треть казны – и живи, как знаешь. – Незнакомец говорил все более жестким тоном. – В противном случае ты умрешь, и о том, когда и как это произойдет, буду знать только я!

Это было уже серьезно. Человек, который решается угрожать уголовному авторитету смертью, понимает, что обратного хода у него нет. Значит, намеревается идти до конца и от своего не отступит. Его нужно раздавить, как ядовитую гадину.

Варяг помолчал, словно обдумывая услышанное. Наконец он сказал:

– Общак нынче почти пустой. Коммерсанты под ментов да беспредельщиков отходят, платить не хотят...

– Это твои проблемы! – оборвал собеседника незнакомец. – Жду тебя через час на свалке в Саларьево. Место вонючее, но тихое. Привезешь три «лимона» баксов и отдашь тому, кто за ними подойдет. Про то, какая неприятность может с тобой приключиться, если ты явишься не один или без денег, говорить не надо?

– Три «лимона» я за час не нащелкаю, – ответил Варяг, размышляя на самом деле лишь о том, как бы половчее устроить засаду и прихватить вымогателя.

– Сколько же тебе надо времени, чтобы выкупить свою драгоценную жизнь?

У Варяга чуть пена изо рта не пошла от гнева, но он взял себя в руки:

– Часов пять.

– Ты думаешь, я собираюсь ждать, пока твои люди оцепят свалку и зароятся в каждой куче мусора? – нахально осведомился незнакомец.

– Ладно, два часа. Это мое последнее слово.

– Последние слова перед смертью говорят, а ты ведь собираешься еще пожить на этом свете, верно? Но я пойду тебе навстречу. Итак, через два часа ты привезешь оговоренную сумму. В противном случае лучше сразу заказывай себе местечко на кладбище.

В трубке заныли гудки отбоя. Варяг с ненавистью посмотрел на нее и наконец дал выход своим эмоциям, заорав во весь голос:

– Начальника охраны ко мне!!!

* * *

Городская свалка в Саларьево являлась привычным местом обитания не только для полчищ крыс и вороньих стай, но и для некоторых представителей рода человеческого. Ютились они в так называемых «шанхаях» – полусгнивших вагончиках, шалашах из обломков ящиков, землянках, накрытых полиэтиленом. Когда местная публика трапезничала здесь по вечерам, на железных прутьях, установленных над кострами, можно было обнаружить не только ободранных щенков, но и крыс. Общество, наряженное в лохмотья, кишашее паразитами, не отличалось привередливостью.

Паша, человек без возраста, без будущего и без определенного места жительства, с трудом верил счастью, нежданно-негаданно свалившемуся на него. Счастье явилось в облике молодого черноволосого мужчины с тонкими губами и выпуклыми глазами, в которые почему-то не хотелось смотреть. Он предложил называть его Сергеем, выставил Паше литр водки, добавив к нему закуску, тысячу рублей и чистую одежду, в которую велел переодеться новому знакомому. А еще он привез пятилитровую бутылку с водой «Золотой колодец», сказав, что она не для питья, а для умывания.

Непривычно опрятный, сытый и пьяный сидел Паша у костра рядом с Сергеем и недоверчиво разглядывал свои руки, которые уже давно не видел такими чистыми. В одной руке была зажата белая булка с вложенной внутрь колбасой, вторая держала стакан, наполненный водкой. После того как Паша пару раз отогнал назойливых соседей арматурным прутком, они попрыгали по своим щелям, и теперь никто не мешал ему наслаждаться покоем и щедрым угощением.

– Как в сказке, – произнес он благоговейно.

– Если ты выполнишь одно мое маленькое поручение, – сказал Сергей, – то красивая жизнь обеспечена тебе на долгие годы.

Он тоже переоделся, но очень странным образом. Привез с собой спортивный костюм, куртку и все это хорошенько вывалял в грязи. А пока Паша умывался, перемазал себе лицо золой и пеплом. Теперь Сергей сам походил на натурального бомжа.

– На долгие годы – это хорошо, – согласился Паша. – Устал я от этой жизни собачьей.

– Отпуск принято зарабатывать.

– Понимаю. Что я должен сделать?

– Я ушел от жены, – грустно признался Сергей, – а она себе нового хахала нашла. Через полчаса он должен подъехать и привезти мне кое-какие вещички, потому что меня даже не пускают на порог собственного дома...

– Со мной тоже так было, – оживился Паша. – Возвращаюсь я с заработков, а моя благовверная...

– Погоди, – поморщился Сергей, – потом расскажешь, а сейчас слушай. Твоя задача подойти к этому типу и спросить: «Привез?» Если он привез, то он отдаст тебе сумку или пакет...

– А если нет?

– А если нет, то все равно, считай, ты свое дело сделал. И наступит для тебя райская жизнь. – Сергей почему-то ухмыльнулся. – И вот еще что, – добавил он, сгоняя улыбку с лица. – Лично я с этим типом видаться не хочу, поэтому, когда он подъедет, я спрячусь. А ты возвращайся с передачей к нашему костру и жди. Я сам подойду...

– Едет, кажись! – заволновался Паша, тыча пальцем в просвет между мусорными кучами. Там, разгоняя стаи ворон, появилась красная иномарка.

Когда Паша повернулся к своему новому знакомому, тот уже испарился, как нечистая сила. А машина, попетляв немного по свалке, медленно приближалась к костру. Паша допил водку, закурил и поднялся, призывно помахав рукой.

Иномарка притормозила метрах в двадцати от него. Распахнулась дверца, но водитель не спешил выбираться наружу, он сидел и ждал. На соседнем сиденье виднелась большая картонная коробка.

– Привез? – крикнул Паша, еще не доходя до машины.

– Привез, – откликнулся водитель. Лицо у него было каменным, а взгляд – пронизывающим до мозга костей. – Иди, получай обещанное.

Вот тут-то Паша и сообразил, что влип в какую-то очень неприятную историю. От человека в иномарке исходила угроза. Такие люди появлялись на свалке лишь в тех случаях, когда съезжались сюда по двадцать-тридцать человек и вели какие-то свои непонятные разговоры. Чаще всего это заканчивалось стрельбой и трупами, которые бомжи бесплатно хоронили в кучах мусора, чтобы не навлекать на свалку милицейские облавы. И как только Паша вспомнил об этом, он вдруг понял, какую райскую жизнь обещал ему новый знакомый.

Он попятился, но было уже поздно. Из внезапно открывшегося багажника, как чертик из табакерки, высунулся автоматчик. Бросившегося наутек бомжа он расстреливал методично, как на полигоне. Через минуту пуль в спине Паши было больше, чем раздробленных позвонков.

* * *

– Уф, – облегченно произнес Варяг, – когда отгремели автоматные очереди. – Готов, падла.

Изрешеченный труп буквально дымился, не подавая признаков жизни.

Можно было попытаться захватить вымогателя в плен, но, не желая рисковать, Варяг сам подал знак открыть огонь. Ублюдок что-то почуял и попытался дать задний ход, но теперь он представлял собой опасность не большую, чем мусор, среди которого подох.

– Обыщи его, Вепрь, – распорядился Варяг.

Молчание.

Выглянув в открытую дверцу, Варяг похолодел. Его боевик по пояс свесился из багажника, а между его лопатками торчала рукоять то ли ножа, то ли стилета.

– Так и сиди, – распорядился вкрадчивый голос за спиной. – Если попытаешься пошевелить хотя бы пальцем без моего позволения, то составишь компанию своему охраннику.

Голос принадлежал незнакомцу, назначившему встречу. Этот подонок оказался гораздо хитрее, чем можно было ожидать. А значит, и опаснее тоже.

Метрах в ста, за остовом насквозь прогнившего автобуса притаились в джипе остальные бойцы, которые могли появиться на месте событий в считанные секунды. Для того, чтобы пре-

дупредить их, нужно было лишь отдать короткий приказ по рации. Но незнакомец предупредил движение Варяга, распорядившись:

– Свяжись со своими быками и вели им уехать. И без шуток! Если начнется заваруха, ты погибнешь первым!

– С чего ты взял, что меня еще кто-то охраняет?

– Я звонил тебе прямо отсюда, так что не пропустил появление джипа, который прикатил сюда за час до твоего появления. Ну ладно, приехали и приехали... А теперь пусть уезжает. Ну!

Варягу пришлось подчиниться. Охранники выполнили приказ с явной неохотой, понимая, что их босс попал в засаду. Но у них не было выхода. Как и у самого Варяга.

– Теперь можно поговорить о деньгах без помех, – язвительно напомнил незнакомец, по-прежнему не показывающийся на глаза.

– Я не успел собрать всю сумму, – соврал Варяг, прикидывая, сможет ли он выхватить ствол, припрятанный под сиденьем.

– Что же ты успел наскрести? – спросил незнакомец насмешливо. – Стопку прошлогодних газет, которыми набил коробку? Или она вообще пустая?

Раненый Вепрь застонал и слабо зашевелился. Прозвучал негромкий выстрел. Правый висок боевика украсился черной дырой, а с противоположной стороны его головы вывалилась красная мякоть, как из расколовшегося арбуза.

– Теперь твоя очередь, – произнес за спиной неумолимый голос.

– Дай мне время до утра, – попросил Варяг, облизывая пересохшие губы.

– Но ты понимаешь, что после подлянки, устроенной тобой, ставка возросла?

– Четыре «лимона». Устраивает?

– Ничто не стоит так дорого, как человеческая глупость, – наставительно заметил незнакомец за его спиной. – Помни об этом, когда будешь решать, стоит ли разойтись со мной по-хорошему или попытаться наколоть меня еще раз.

– Это будет честная игра, – сказал Варяг, думая о том, сколько времени займут сборы и дорога в Шереметьево-2. Трудные времена он обычно переживал за границей, а времен похуже знать ему еще не приходилось. Он беспокоился в первую очередь не о собственной шкуре, хотя она ему, по правде сказать, была не безразлична. Варягу был доверен общак, за который он отвечал не только жизнью, но и всем своим авторитетом. В такой игре следовало проявить хитрость, выдержку и осмотрительность.

– Тогда не расставайся с телефоном и жди звонка, – сказал незнакомец. – Я назову место и время нашего нового свидания. Это твой последний шанс. Больше предупреждений не будет.

– Я понял.

– Тогда выбирайся из своей «Вольво», укладывайся на землю мордой вниз и не поднимай головы, пока не смолкнет шум двигателя.

Примерно так Варяг и поступил, хотя лечь не стал, а лишь отвернулся, держа поднятые руки на уровне плеч. А во время ночного авиарейса в Мадрид беспрестанно заказывал то джин, то водку, но так и не смог опьянеть, чтобы хоть немного приглушить ярость, которую вызвал у него проклятый беспредельщик.

* * *

Серый сделал не меньше ста попыток дозвониться до Варяга, прежде чем был вынужден признать, что опять остался несолоно хлебавши. Теперь, когда пахан исчез в неизвестном направлении, неясно было, с какой стороны подступиться к намеченной цели. Мрачно размышляя об этом, он вяло жевал яичницу, приготовленную хозяином квартиры, и вполуха слушал рассказ о его мытарствах.

Хозяина звали Гончаром, он был старинным приятелем Серого, но со времен бурной молодости, после которой жизнь раскидала обоих по разным зонам, они встретились впервые. За минувшие восемь лет Гончар подрастерял волосы и апломб, обзавелся сетью мелких морщин на лице и стал охоч до спиртного, чего за ним прежде не водилось. Серый заглянул к нему в тайной надежде, что дружок может сболтнуть что-нибудь интересное про Варяга и его группировку, но напрямик вопросов не задавал, предоставив собутыльнику болтать языком. Умению молчать и слушать он научился на зоне, где чересчур разговорчивые наживают себе разного рода неприятности.

– Короче, – разглагольствовал Гончар, – лепить краснуху стало слишком опасно, потому что нынче грузы не государству принадлежат, а вполне конкретным людям, которые за недостатку всегда спросить могут...

– Лепить краснуху? – переспросил Серый, изображая любопытство.

– Ну, тырить товар из железнодорожных вагонов. Такой у меня профиль был.

– И чем теперь занимаешься?

– Антиквариатом, – важно ответил Гончар.

– «Здесь продается славянский шкаф?» – вспомнил Серый цитату то ли из старого анекдота, то ли из фильма.

– Зачем шкаф? Обижаешь. Я иконами занимаюсь, монетами, картинами. – Это было произнесено таким тоном, словно Гончар собственноручно писал лики святых или чеканил монеты.

– На гоп-стоп берешь или как? – заинтересовался Серый.

– По-разному, – заскромничал приятель. – Как масть ляжет.

– И что, сбыт хорошо налажен? Судя по обстановке в твоей квартире, с жиру ты не бесишься... Но и полочки я не замечаю.

– Какой полочки?

– На которую зубы кладут с голодухи, ха-ха-ха!

– А, – догадался Гончар. – Шутка юмора... Но, если честно, мне сейчас не до смеха. – Он порывисто опрокинул в себя стакан водки. – Ух-х... Раньше я все это барахло старинное барыгам знакомым сбывал, а они уже дальше антиквариат переправляли – за бугор. Мне мелочовку, себе – львиную долю прибыли. Но меня это устраивало. Я им товар помаленьку скидывал и горя не знал...

– И что потом? – Серый нутром почувствовал: тема принимает неожиданный и интересный поворот.

– А потом, – захрустел огурцом Гончар, – я маху дал. По-крупному сработал и сразу всю партию решил задвинуть. Тут меня и кинули.

– С каких это пор барыги на воров хвост поднимают?

– Эти барыги – особые. Им «крышу» Репа дает, а у того завязки с авторитетом, который не чета нам. Варяг, слышал такую кликуху?

Серому точно кипятку за шиворот плеснули, но он заставил себя зевнуть со скучающим видом.

– Кажись, да. Говорят, бабок в его коdle немерено крутится. Фартовый.

– Будешь фартовым, когда на чужом... горбу в рай выезжаешь! – обозлился Гончар. – Со мной за товар не расплатились, а западные коллекционеры им небось вагон долларов за него подогнали. Эх, времена пошли... Раньше бы за такие дела Варягу в момент правилку устроили, а теперь...

– Было бы желание, – туманно произнес Серый.

– Не, лично я пас. Кто я такой, чтобы против авторитета буром переть?

– Зачем против авторитета? Тебя барыги кинули, а не он. С них и спрашивать нужно.

– А что, подпишешься? – встrepенулcя Гончар.

– Не даром, разумеется.

– Денег у меня сейчас нет. Гольд вассер.

– Что я, вурдалак какой, чтобы пить кровь из кореша, попавшего в беду? – возмутился Серый. – У меня другое предложение. Ты ведь публику эту, которая антиквариатом занимается, хорошо знаешь, верно?.. Адреса, места тусовок, привычки... И они тебя помнят, значит, к себе подпускают.

– К чему ты ведешь? – прищурился Гончар.

– К тому, что хватит водку жрать и сопли распускать. Пора пощипать барыгам перышки!

– Точно! – Гончар ударил кулаком по столу.

Серый решительно спрятал водку в холодильник и распорядился:

– Иди прими душ, побрейся и переоденься. Я тут по дешевке драндулет себе приобрел, так что самое время прокатиться по любимой столице. Поглядим точки, к хавирам антикварщиков присмотримся, а потом наметим план действий.

– Понял! – засуетился Гончар. – Через пятнадцать минут я – как штык!

«Как болт ржавый», – усмехнулся Серый про себя, когда Гончар исчез из кухни. С помощью старого дружка можно было не только пожить у барыг, но и изучить один из источников, питающих казну Варяга. Это была неплохая зацепка. Антиквары, как обмолвился Гончар, ворочают большими деньгами, следовательно, их чуть ли не ежедневно должны навещать так называемые «кассиры», собирающие наличность по подотчетным точкам. Эти же деньги, свозимые рэкетирами к Варягу, потом вливаются в казну, которую мечтал прибрать к рукам Серый. И, кажется, он значительно приблизился к своей цели с того момента, когда шагнул из темноты наперерез Лосю, держа заточку в руке.

Глава 4

ЧТО? ГДЕ? КОГДА?

За время многочасового перелета Михаил Чертанов успел изрядно устать. Чтение журналов стало в тягость, шум двигателей казался уже невыносимым, а заснуть в неудобном кресле не удалось, и потому, когда на табло вспыхнуло повеление пристегнуть ремни, он испытал настоящее облегчение. Нечто похожее ощущает арестант, вырвавшийся на свободу после изнурительной отсидки.

Вот и Домодедово.

Служебную «Волгу» Чертанов заприметил в тот самый момент, когда ступил на трап. А это означало, что отпуск его действительно закончился и вместо сауны, о которой он так мечтал весь полет, придется отправляться напрямиком на Петровку.

Из машины, широко распахнув дверцу, стремительно выбрался блондин лет тридцати пяти и, улыбнувшись, приветливо взмахнул ладонью. Создавалось впечатление, что он приглашал Михаила не на работу, а в шикарный ресторан, переполненный соблазнами – едой и легкодоступными женщинами.

– Как дед? – участливо спросил Гриша Шибанов, слегка задержав ладонь Михаила в своей руке.

Чертанов едва не проговорился о том, что в кармане у него лежит зуб убитого в тайге тигра, но вовремя вспомнил, что для всего отдела он взял отпуск, чтобы навестить тяжело захворавшего деда. Никто из сослуживцев даже не подозревал, что старик принадлежит к роду потомственных тигролов, и если чувствовал недомогание, то лишь от невеселых дум о том, что фамилия Чертановых может прерваться на любимом внуке. Несмотря ни на что, дед продолжал тешить себя надеждой, что, перебесившись в городе, Михаил вернется в тайгу и продолжит семейные традиции.

– Обошлось, поправляется старик, – произнес Михаил, придав лицу скорбный вид. И едва не улыбнулся, вспомнив, как «умирающий» дедок лихо перебирался через полутораметровые сугробы.

– За время твоего отсутствия у нас тут такие дела завертелись, что только держись! – промолвил Шибанов, когда сослуживец с комфортом расположился на сиденье.

– Что за дела? – настороженно спросил Михаил.

– Ну, для почина, был взорван бронированный «Мерседес» Варяга вместе с его личным шофером.

– Лучше бы «Мерседес» взлетел на воздух вместе со своим владельцем, – не удержался от комментария Михаил.

– Кто-то убивает людей Варяга. Причем делает это очень профессионально. Не оставляет ни свидетелей, ни следов. Первым отправился на тот свет некий Лось. По оперативным данным, он являлся доверенным лицом Варяга, а тот, как ты знаешь, держит российский общак.

– Народный мститель? – предположил Михаил. – Робин Гуд?

– Не думаю, – усмехнулся Шибанов. – Робин Гуды в России не водятся. Просто какие-то отморозки попытались добраться до воровской кассы, да Лось оказался для них крепким орешком, вот мое мнение. Труп Лося нашли под Москвой, в Пятихатках. Одно огнестрельное ранение и еще два, нанесенных холодным оружием. Похоже на эковские заточки. Через несколько дней еще один труп. На этот раз «торпеда» Варяга, Вепрь.

– Прямо зоопарк какой-то! Лось, Вепрь...

– Погоди, сейчас тебе будет не до смеха. Вепря прикончили на свалке, в Саларьеве... Вижу, что на языке у тебя вертится фраза, мол, туда ему и дорога, но... – Шибанов сделал

значительную паузу. – В голове у боевика засела пуля того же калибра, которую получил Лось, а в спине – та самая заточка. Эксперты почти уверены, что ею был ранен Лось.

– Да, – задумчиво протянул Михаил, – вот так огни большого города. Знаешь, я убежден, что в дикой тайге сегодня безопаснее, чем в самом цивилизованном городе.

– И это еще не все! – торжественно провозгласил Шибанов. – Убиты два рэкетира, собиравшие дань с торговцев антиквариатом.

«Волга» давно выехала через распахнутые ворота летного поля и теперь мчалась в сторону Каширского шоссе. Март для Москвы оказался малоснежным, дороги выглядели совершенно сухими, только с крыш домов неряшливо свисали длинные сверкающие сосульки. Молодой шофер, видно, только что после армии, лихо бросал автомобиль с одной полосы на другую и с беззаботной улыбкой собирал колючие взгляды водителей.

– Что, на трупах рэкетиров опять раны от заточек? – Михаил насторожился.

– Нет, и все же все эти убийства имеют идентичный почерк. Стреляли с близкого расстояния, аккуратненько так, в висок... В общем, тебя бросают на это дело, времени на раскачку нет.

– Его всегда нет, – недовольно буркнул Михаил.

Вспомнив начальника отдела, сорокапятилетнего полковника Крылова, он отыскал в кармане тигриный зуб и с силой сжал его в кулаке. Клык вонзился в ладонь, словно намереваясь спрятаться под кожу. Может быть, ему тоже не хотелось видеть Крылова.

– Мы сейчас в управление, Гриша? – пасмурно спросил Михаил.

– Нет, – отрицательно покачал головой Шибанов, – тебе очень повезло, если так можно выразиться. Мы едем напрямиком на место очередного убийства. Но на этот раз жертва – женщина. Почерк, похоже, тот же.

– Она что, как-то была связана с рэкетирами? – удивился Михаил.

– Вот это мы и хотим узнать. Но не исключено, что убийца просто расширил район действий. А может, ее убрали как свидетельницу.

Дальше ехали в тягостном молчании. Похоже, работа обещала быть долгой и трудной. Впрочем, как всегда.

– Здесь, – объявил Шибанов и, распахивая дверцу машины, добавил: – Третий этаж.

В оцеплении у самого подъезда дежурил молоденький сержант. По его скучающему виду было заметно, что парень отбывает повинность и, будь его воля, так он непременно урвал бы у судьбы пару часиков для оздоровительного сна. Заметив Шибанова, сержант подобрался, даже как будто бы увеличился в росте, а на лице обозначился отпечаток ответственности, словно на земле не существовало более важного занятия, чем стоять в карауле у продырявленного трупа.

Не считая кареты «Скорой помощи», двор выглядел пустынным. Только сквозь дверные глазки, из-за оконных занавесок за приехавшими наблюдали настороженные глаза, как будто бы жильцы опасались, что им подложат под порог десяток килограммов тротила. Москва жила привычной для себя жизнью.

Милиционеры поднялись на третий этаж.

В самом центре лестничной площадки, головой к ступеням, лежала молодая женщина. В правой руке она сжимала небольшую кожаную сумочку, из которой неряшливо выглядывала салфетка.

Смотреть на убитых всегда больно. К подобному зрелищу просто невозможно привыкнуть, но вдвойне горько, если жертва – женщина. Она лежала на боку, скрестив ноги, как будто знала, что после смерти станет объектом изучения многих мужчин, и стыдилась своей нелепой позы. Даже юбка на ней, по-весеннему короткая, не задралась, как это частенько происходит в подобных случаях, а аккуратно прикрывала бедра.

Женщину можно было бы назвать красивой, если бы не аккуратная дырочка в правом виске. Золотистые волосы слиплись от выступившей крови, отчего прическа выглядела неестественно всклокоченной.

– Когда ее застрелили? – спросил Михаил. Он разжал ладонь, и острый тигриный клык, упав на дно кармана, глухо стукнулся о пригоршню мелочи.

– Три часа назад, – сказал Шибанов. – Убийца подждал ее на лестничной площадке. Попытался вырвать сумочку. Она не отдавала. Вот, смотри, даже сейчас крепко держит... А когда она упала, подонок открыл сумку и беспрепятственно вытащил содержимое.

– Выстрел кто-нибудь слышал?

– Нет. Скорее всего, убийца использовал глушитель.

Михаил присел на корточки и с минуту разглядывал лицо женщины, на котором запечатлелся предсмертный ужас.

– Куда же она торопилась в такую рань? – пробормотал он, распрямляясь.

Шибанов только пожал плечами:

– Непонятно. Ни одно учреждение так рано не начинает работу, а убийца точно знал, когда жертва появится, и подждал ее.

– Гильзу нашли?

Шибанов утвердительно кивнул:

– Нашли. Пока сказать трудно, от какого она пистолета... Но предварительно эксперты сказали, что использовался патрон от «парабеллума», девять на девятнадцать. Он подходит и к «радому», и к «беретте», и к «вальтеру». Как и в тех случаях, о которых я рассказывал тебе по дороге...

– Понятно.

Откуда-то сверху раздавались веселые мужские голоса, и Михаил готов был поспорить, что через пару минут он услышит взрыв здорового жеребьячьего ржания.

– Кто там? – спросил он, кивнув головой в направлении голосов.

– Судмедэксперты, – безнадежно махнул рукой Шибанов, как будто бы сумел прочесть мысли Михаила. – Анекдоты травят, пока мы тут возимся.

Михаил понимающе кивнул. Как это ни странно, но самым жизнерадостным народом, с которым его когда-либо сводила профессия, были патологоанатомы. Создавалось впечатление, что они периодически подпитывались энергией у трупов. Покойнический юмор – это про них сказано.

– Соседей еще не опрашивали? – осведомился Михаил.

– Не успели... А потом, лучше тебя это все равно никто не сделает.

– Спасибо, что не забываете придержать для меня черную работу, – ехидно поблагодарил Михаил. – Ладно, давай поглядим, кто с ней жил рядом.

Он подошел к ближайшей двери и позвонил коротко, совсем не по-милиейски, но уже через секунду дверь открылась, и на пороге, неумело изображая скорбь, возникла бодрая старушенция лет семидесяти. Наверняка она давно наблюдала за оперативниками в дверной глазок и, изнывая от нетерпения, ожидала, когда они наконец соизволят вспомнить о ее существовании.

– Здравствуйте, – сдержанно произнес Михаил, – мы из милиции. – Развернутое удостоверение было поднесено к любопытному носу старушенции.

Как правило, свидетели делятся на две группы. Первые, едва взглянув на удостоверение, пропускают сотрудников в комнату, всем своим видом показывая, что про более дорогих гостей и мечтать не смели. Вторые скрупулезно изучают протянутое удостоверение, вчитываясь в каждую букву, как будто подозревают стражей в десяти смертных и тысяче дополнительных грехах.

Старушка относилась ко второй категории.

Ее глаза, словно сканер, скопировали написанное, и коротенький текст навсегда упрятался в одной из ячеек ее памяти.

– Что ж, прошу вас, – она неохотно отступила в сторону, пропуская мужчин в квартиру.

– Спасибо, – поощрил ее Михаил за великодушие. – Вы, конечно, знаете о трагедии, случившейся с вашей соседкой?

Старушка как будто ожидала именно этого вопроса. Картинно всплеснув руками, она воскликнула:

– Конечно! Это такой ужас, такой ужас!.. Очень славная была девушка, всегда скажет «здравствуйте», «до свидания». Не то что некоторые... А вы проходите, молодые люди. У меня, правда, не прибрано, но подошвы все равно об половичок вытрите. – Зоркие старушечьи глаза проследили, тщательно ли выполнят просьбу нечищенные ботинки Михаила. – Можете на диванчик сесть, он у меня хоть и старенький, но очень прочный. Сейчас такой мебели и не делают.

Чертанов с Шибановым осторожно присели на краешек разрекламированного дивана, опасаясь, что он рассыплется в труху. Но, вопреки ожиданию, диван оказался и впрямь прочным. Эдакий реликт, шагнувший из позапрошлого столетия в современность.

– Вы давно знаете свою соседку? – полюбопытствовал Шибанов.

– Люду-то?.. Она живет... Простите, она прожила в нашем доме три года.

– Вы случайно не знаете, чем она занималась, где работала?

– Насколько мне известно, – жеманно сказала старушка, – постоянно Люда нигде не работала. Хотя кто знает эту современную молодежь – вроде бездельничают, а деньги водятся всегда. Что-то продают, что-то меняют, так и живут. Вот и Люда занималась чем-то в этом роде. – В тоне старушечки смешались нотки зависти и осуждения.

– А почему вы так решили? – спросил Михаил.

– Молодой человек, слава богу, я не первый год живу на этом свете, и научилась разбираться в людях. Во-первых, Люда очень хорошо одевалась. Едва ли не каждую неделю меняла наряды...

– А может быть, у нее имелся, – Михаил слегка запнулся, стараясь подобрать слово поделькатнее, – какой-нибудь состоятельный... друг?

– Ну-у, я отлично понимаю, о чем вы говорите, молодой человек, – седая голова старушечки слегка качнулась. – Я не хочу сказать, что Люда проживала монашкой, но богатых покровителей у нее не было. За все это время я видела у нее только четырех визитеров. Но они явно не «новые русские», – тонкие бледные губы пренебрежительно растянулись, – обыкновенные мужчины. Заурядные, я бы сказала.

– Итак, у покойницы был узкий круг общения?

– Именно так, молодые люди. Люда была очень осторожна и, прежде чем кого-то впустить в квартиру, обязательно поинтересуется, кто там... В наше время по-другому нельзя.

– Жильцы этого дома у нее бывали?

– Чаще всего к ней заходила соседка с верхнего этажа, ровесница Людочки. Чаевничали подолгу, болтали. У нас, женщин, тем для разговоров всегда предостаточно.

– В какой квартире проживает эта соседка? – спросил Михаил, увлекая Шибанова к выходу.

– Моя дверь вот так, – рубанула старуха рукой пространство, – а ее напротив будет.

Вторая соседка относилась к первой категории свидетелей – она мгновенно впустила оперов в коридор, как только рассмотрела в проеме дверей удостоверение с позолоченным тиснением. Едва ответив на приветствие, проводила в комнату, томно пряча накрашенные глаза под густыми ресницами. Взгляд у нее был блудливый, кошачий, такое впечатление, что в каждом шкафу она прячет по парочке темпераментных любовников.

– Простите, как вас зовут? – осведомился Шибанов.

– Венера. – Так и чудилось недосказанное: «Милосская».

– Венера, мы знаем, что вы были дружны с вашей покойной соседкой, Людой, – произнес Михаил, устроившись в низеньком кресле. Оно оказалось необычайно мягким, глубоким, и майор не без досады заподозрил, что нужно будет сделать некоторое усилие над собой, чтобы не поддаться сонливости в таком комфорте.

На девушке красовалась атласная пижама, смахивающая на борцовское кимоно. Но даже свободный покрой не мог утаить огромного бюста, который вызывающе маячил в разрезе подпоясанной рубахи. Грудь отзывалась на каждое движение Венеры волнующим подрагиванием.

– Нельзя, конечно, назвать нас подругами, – при этих словах на ее капризных губах промелькнуло заметное неудовольствие, – но общались мы с Людмилой частенько. То она ко мне зайдет, то я к ней загляну. По – соседски.

– А вы не могли бы сказать, где она работала?

– О себе она ничего не рассказывала, но деньги у нее водились всегда. Могла даже одолжить под небольшой процент. Мне приходится частенько выезжать в Европу, и я к ней не однажды обращалась. Да что там я! – махнула Венера рукой. – К ней за деньгами со всего дома бегали! Все знали, что она была не бедная. Я у нее спрашивала, чем она занимается, но Люда только отшучивалась или отмалчивалась.

– Она все время так рано уходила из дома?

– Всегда!

– Девушки часто делятся между собой душевными тайнами. Может, вы знаете ее поклонников?

В глазах Венеры промелькнуло что-то неприязненное, когда она процедила:

– Имелся у нее один друг сердечный... Семеном его зовут.

– Она вам о нем сама рассказывала?

– Я и без нее этого Семена знаю как облупленного. Когда-то он был моим... кавалером, так скажем. Они у меня и познакомились.

– Ах, вот как! – оживился Шибанов, бросив быстрый взгляд на сотрудника. – И где же нам найти этого кавалера Семена?

– А чего его искать? – фыркнула Венера, заталкивая излишне оголившиеся груди за пазуху. – Он живет в соседнем доме, прямо напротив, квартира тридцать шесть.

Михаил, упершись ладонями в подлокотники кресла, поднялся:

– Вы не будете возражать, если мы к вам еще зайдем для уточнения некоторых деталей?

Венера тоже встала, утвердительно тряхнув бюстом:

– Всегда буду рада таким гостям...

Время уже перевалило за полдень, и Михаил с нежностью вспомнил жареную курицу, которой угощали пассажиров на борту самолета. Хорошо бы взбодриться чашечкой крепкого кофе да проглотить хоть что-нибудь.

Шибанов, будто угадав мысли майора, неожиданно предложил:

– Там у меня в машине кофе есть в термосе и колбаса сырокопченая. Может, перекусим?

– Позже, – стойко переборол в себе искушение Михаил и направился к соседнему дому.

Нужная квартира обнаружилась на самом верхнем этаже. Угловая. На лестничных перилах была закреплена консервная банка, доверху забитая окурками. Присоединив к ним свою сигарету, Михаил нажал кнопку звонка. За дверью заверещало, как будто там потревожили голосистую канарейку. От повторного звонка воображаемая птица забилась в истерике.казалось, еще чуть-чуть – и она вырвется на волю, проломив металлические прутья клетки.

– Неужели никого нет? – огорчился Михаил.

– Попробуй еще раз, – попросил Шибанов. – Очень не хотелось бы тащиться сюда опять из-за одного свидетеля.

Неожиданно в квартире послышался шорох. За дверью что-то грюкнуло, задребезжало, а потом раздалось приближающееся бормотание.

Дверь открылась минуты через две. Долго скрежетал отворяемый замок, бряцала стальная цепочка. В проеме показалась кудлатая непричесанная голова. Стоявший на пороге мужчина разлепил веки и пьяно поинтересовался:

– Вы кто?

– Мы из милиции, – бесстрастно ответил Михаил.

– Какого дьявола?! – вырвалось у мужчины, но он тут же спохватился и виновато потупился: – Ах да... Вы по поводу Людочки...

– Пройти можно?

– Проходите... только у меня того... беспорядок полный. Не ждал я гостей. Если бы знал, что такие люди заявятся, так непременно бутылки бы в угол сгреб. Вы, господа милиционеры, смотрите не расшибитесь ненароком, – попросил кудлатый хозяин, – мне из-за вас на нарах коковать ой как не хочется.

– А что, приходилось уже? – усмехнулся Михаил.

– Было дело по молодости, – устало произнес кудлатый, зашаркав огромными шлепанцами в комнату.

Квартира находилась в таком же беспорядке, как и ее хозяин. На столе в центре комнаты стояло две дюжины пивных бутылок, на табуретке – чехонь, нарезанная крупными ломтями. Повсюду рыба чешуя, даже на экране телевизора. Кудлатый поднял с пола пивную бутылку, убедился, что она пуста, и брезгливо отбросил ее в сторону. Стекло звонко звякнуло о батарею.

– Горлышко откололось, – заметил Михаил.

– А хрен с ним, – отмахнулся хозяин квартиры, – невелика потеря, стеклотару я не сдаю. Возраст не тот и положение тоже. – Он важно хлопнул себя по груди, как будто вместо засаленной майки на нем ладно сидел безупречный фрак.

Михаил осторожно отодвинул ногой груды пустых бутылок, которые покатались во все стороны с возмущенным перезвоном.

– Как вас зовут?

Кудлатый неожиданно предложил:

– Давайте без китайских церемоний. Зовите меня просто Семеном.

– Договорились, – улыбнулся Михаил. – Какие у вас были отношения с Людой, Семен?

– Оп, и сразу за горло аккуратными милицейскими пальчиками! Браво, господа, поздравляю. О-очень хороший вопрос. Считайте, что я внутренне содрогнулся и в моих жилах от неприятного ожидания застыла кровь. – Семен похлопал себя по карманам, выудил мятую пачку, достал оттуда полупустую сигарету, чиркнул зажигалкой. Пламя охотно сжевало сразу половину сигареты, а кудлатый, с наслаждением наполнив легкие дымом, выпустил серую клубящуюся струю в сторону, после чего взялся пространно отвечать на вопрос: – Отношения у нас с Людмилой были самые простые – то я сверху, то она... Но хочу предупредить сразу все ваши глупые вопросы – я ее не убивал!.. Зачем? Люда была славная баба, с такой и за столом посидеть приятно, и в постели поваляться. Баб в своей жизни я поимел предостаточно, но ни с одной из них мне не было так хорошо. Так посудите сами, с какой стати я лишил бы себя удовольствия? – Семен затянулся опять. В этот раз выпущенная струйка дыма была направлена между заинтересованными лицами оперативников. – Ах да, конечно, я забыл, с кем имею дело... Вам в первую очередь нужны факты, доказывающие, что я не имею никакого отношения к убийству. Если их нет, то я автоматически попадаю в число подозреваемых... Так вот, я заявляю вам, что не виделся с Людмилой целую неделю. Разругались, знаете ли. Заявляюсь к ней, а она из подъезда с каким-то хахалем выходит. Я ей, признаюсь, не очень лестные слова тогда сказал. Ты что, дескать, курва, нас по графику, что ли, принимаешь? А она ка-ак врежет мне сумкой по физиономии!.. Вот, полюбуйтесь, – ткнул Семен себя пальцем в щеку, – до

сих пор царапина осталась. Это она защелкой. Фыркнула, как кошка, хахалая под локоток – и шасть мимо!.. Вот я и загудел. – Он широким жестом указал на завалы бутылок в комнате и вздохнул. – Говорил же я ей, давай вместе жить, так нет! Упрямая была невероятно. Если бы согласилась, то живой бы осталась.

Едва дождавшись окончания пьяной тирады, Михаил спросил:

– Что за человек был с Людой?

– Хрен его знает! – в сердцах воскликнул Семен. – Узколищый такой, черноволосый, а на губах – улыбочка змеиная. Мне почему-то показалось, что он зону топтал. Не вор, но и не мужик.

– Жулик? – вмешался Шибанов, прекрасно разбиравшийся в уголовной иерархии.

– Скорее фраер. Но честным я бы его не назвал.

– А кем работала Людмила? – подключился Михаил.

– Что-то покупала, что-то продавала. В последнее время антиквариатом интересовалась. Но деньги у нее были всегда! Может, из-за них ее и убили.

– А откуда она была родом?

– Из-под Ленинграда, извиняюсь, из-под Питера. Но там копать бесполезно, Люда давно перебралась в Москву. По-моему, и родителей-то у нее в живых не осталось, как, впрочем, и ее самой... Эх, муторно у меня на душе. Оставили бы вы меня в покое, господа. Водка кончилась, а без нее как забудешься?

Лишь вечером был опрошен последний свидетель – почти глухой, но чрезвычайно зрячий дедок лет восьмидесяти. Именно он сказал, что рано утром из подъезда дома вышел мужчина в темно-синей спортивной куртке. Рассмотреть его лица не удалось – оно по самые глаза было обмотано белым шарфом. Не оглядываясь, неизвестный пересек двор и скрылся за углом. Там стояли «Жигули» темно-вишневого цвета девятой либо девяносто девятой модели. Никому из жильцов близлежащих домов эта машина не принадлежала. А следовательно, это была единственная зацепка. Та самая печка, от которой можно было начинать танцевать.

* * *

Михаил посмотрел на часы. Почти одиннадцать. Время не такое уж позднее, но не самое лучшее, чтобы отправиться к кому-нибудь в гости. В такой час можно прийти к проверенной любовнице, победно сжимая в руках бутылку дорогого вина. Или к холостому приятелю, осатаневшему от одиночества. Но уж никак не в приличную семью, где расцелованные на ночь детишки уже видят сны, а их родители читают в постели книжки, лениво подумывая, а не выполнить ли им свои супружеские обязанности.

Поколебавшись, Михаил все же решил заглянуть к своей бывшей благоверной. Нельзя сказать, чтобы он так уж тосковал по прежней семейной жизни, но, подобно старому кобелю, продолжал топтать привычную тропу, прекрасно осознавая, что однажды вместо угощения нарвется на неприятности.

Главное, что заставляло Михаила заглянуть сюда, так это желание увидеть сына, которого он любил.

Квартиру на Житной улице он оставил супруге с сыном, а сам съехал в крохотную комнату, выделенную ему управлением. У Натальи – бывшей жены – по поводу раздела имущества имелась собственная философия – она считала, что отвергнутый муж должен уходить из семьи в одних трусах. Примерно так Михаил и поступил, хотя натянул поверх трусов кое-какую одежонку и даже забрал свою зубную щетку. На прощание Наталья задушевно пожелала ему провести остаток жизни на любом из московских вокзалов, но Михаил не принадлежал к числу мужчин, которые быстро опускаются без женской заботы.

Отпустив служебную машину, он вошел во двор и посмотрел на окна второго этажа. В спальне горел тусклый желтый свет. Скорее всего Наталья читала перед сном какой-нибудь sentimentalный женский роман, роняя горькие слезы на белоснежную наволочку. Можно было представить ее и за более интересным занятием. Помнится, Наталья любила экспериментировать в сексе, и свет не был для нее большой помехой.

Докурив сигарету до фильтра, Михаил яростно втер окурок в асфальт и направился в сторону подъезда. Дверь на короткий звонок открылась почти сразу. Михаил испытал укол ревности – Наталья явно ожидала гостя, и им был отнюдь не бывший супруг. Заготовленная улыбка медленно сползла с ее лица, сменившись недовольной гримасой.

Михаил уверенно прошел в комнату, слегка потеснив плечом Наталью.

– Юное поколение спит? – спросил он, едва поздоровавшись.

– Да, – хмуро ответила жена. – Тебя здесь не ждали.

Михаил усмехнулся:

– Я всегда обожал сюрпризы. Я останусь ночевать.

– А если сейчас ко мне придет... друг? Что тогда? Ты будешь держать над нами свечку?

Наталья всегда умела выискивать самые уязвимые точки. Оставалось только держать удар. Притворно зевнув, Михаил отмахнулся:

– Спасибо за предложение, но сегодня я не расположен к групповому сексу. Так что постели мне где-нибудь на диване и постарайся кричать не очень громко.

На лице Натальи промелькнула растерянность. Кажется, она поняла, что подобную бестактность не стоит проявлять даже по отношению к бывшему мужу. Они ведь расстались вполне по-светски, без расцарапанных физиономий и битой посуды. Да и деньги на сына Михаил давал щедро и регулярно.

– Тебе кофе с молоком? – Наташин вопрос прозвучал скорее утвердительно. Где-то даже с извиняющимися нотками.

– Приятно, что ты не забыла моих привычек, – улыбнулся Михаил, устраиваясь за столом.

Вокруг все было родное... и совершенно чужое. Знакомые вещи не желали признавать бывшего хозяина.

– Не обижайся, – пробормотала Наталья, колдуя над кофеваркой. – Между нами ведь давно все кончено...

– Не следует об этом напоминать лишний раз, я и так все прекрасно помню.

– Ко мне действительно может прийти... знакомый.

Михаил пожал плечами:

– Тебе не следует волноваться по этому поводу. Никаких сцен ревности не предвидится. И, разумеется, я не стану сбрасывать с лестницы твоего знакомого, предпочитающего наносить поздние визиты. Должна же быть у одинокой женщины хоть какая-то отрада?

– Ты очень любезен, – фыркнула Наталья, поставив на стол две чашки кофе, одна из которых была подкрашена молоком. – Угощать тебя больше нечем, разве что овсяным печеньем. Помнится, раньше ты его очень любил.

Михаил кивнул:

– Я вижу, ты не забыла моих привычек.

Он сделал первый глоток, махонький, как будто бы дегустировал напиток.

– Ты умел навязывать свои привычки, – сухо сказала Наталья. – Уже через год нашей совместной жизни я начала считать их почти своими.

Привычки. Их у Михаила имелось немало. Например, в прежние времена после совместного распития кофе они с Натальей переходили к заключительной части обязательной программы, в постели. Теперь же рассчитывать приходилось лишь на овсяное печенье... Странно это было. Сидишь, косишься на колени жены и не решаешься прикоснуться к ним рукой, чтобы это не было воспринято как попытка изнасилования.

Михаила всегда тянуло к этой женщине, хотя он и себе не признавался в этом. Не в том смысле, чтобы ему не хватало ее пресных супов или язвительных замечаний. Просто он нестерпимо желал ее как женщину – страстно, до потемнения в глазах. Она чувствовала это и всегда надевала холодную маску недоступности. Но сегодня с ней произошла перемена. Как-то бесенята плясали в ее глазах.

Кофе было допито. На доньшке чашки оставалась вязкая темно-коричневая гуща такого отменного качества, что хоть гадай по ней – любит, не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет. Ладонь Михаила будто бы невзначай легла на руку Натальи. И он не ошибся. Вместо того чтобы надменно фыркнуть, она лишь опустила ресницы, что в этой щекотливой ситуации воспринималось как приглашение к более активным действиям. Если бы Михаил попытался передать, что он испытал при этом открытии, то выжал бы из себя только невнятное сипение и хрип. У него перехватило горло. Похоже, Наталья тоже волновалась.

– Из этого ничего хорошего не выйдет, – прошептала она. – Я уже не твоя.

– Может, это даже к лучшему. Тебя ведь не каждый день соблазняет бывший супруг?

Порывисто подхватив Наталью на руки, Михаил понес ее в спальную комнату. Аккуратно положил на широкую кровать. Халатик распахнулся – под ним ничего. Еще один сюрприз! Раньше Наталья никогда не ожидала гостей без нижнего белья. Михаил знал, что женщины быстро меняются, но уж не настолько же!

Его взгляд скользнул по ее животу вниз и застыл там, где на мраморной коже темнел тщательно стриженный кустик волос. Наталья не собиралась менять позу. Напротив, она закинула руки за голову, давая понять, что не возражает против того, чтобы бывший супруг вспомнил, как она хороша. Набросившись на нее с жадностью изголодавшегося зверя, Михаил с тоской подумал о том, что после Натальи он не сумел получить настоящего удовольствия ни от одной другой женщины. Это была последняя связанная мысль, пришедшая ему в голову...

Расслабленно откинувшись на подушку, Михаил взглянул на часы. Господи, уже три часа ночи. Давно он не пускался в подобные сексуальные марафоны. Трудно поверить, но каких-то четыре часа назад он буквально валился с ног от усталости.

Наталья перевернулась на живот, демонстрируя идеальные линии своей гибкой спины, и принялась рыться в тумбочке. Достала сигарету, зажигалку. Еще одна новая деталь в ее поведении, которая не порадовала Михаила.

– Ты разве куришь? – удивился он.

– Как видишь. – Она привычно размяла сигарету и закурила. – Ведь я свободная женщина, и мне никто ничего не может запретить. Разве не так? – В ее взгляде сверкнул вызов.

– Так... Просто ты была совсем другой.

– Забудь. Все это было в прошлой жизни.

– А в нынешней что? Знакомые, навещающие тебя по ночам?

– Знакомый, – поправила она Михаила. – Он славный, милый, он очень любит меня и, кстати, гораздо моложе.

Ничего не скажешь, веселенькое развлечение – лежать в постели с бывшей женой и обсуждать достоинства ее любовника.

– А как твой славный молодой человек в постели? Не промах? – мрачно поинтересовался Михаил.

– Ты не можешь без пошлостей? – парировала Наталья.

– Здоровое мужское любопытство и не более того.

– Что ж, я удовлетворю твое любопытство... Хотя вы, мужики, как-то очень уж одинаково устроены, но все-таки кое-какая разница между вами существует.

– Раньше ты со мной подобными наблюдениями не делилась.

– Когда это раньше? – неожиданно вспыхнула Наталья. – Когда я была твоей женой, так, что ли? Попробовала бы я затронуть подобную тему, так ты бы меня сразу удавил! С твоим-то характером!

– Ты мне изменяла?

– А тебе не кажется, что в ситуации, в которой мы с тобой сейчас оказались, это не самый удачный вопрос?

– Ну, я уже давно не Отелло, а ты далеко не Дездемона.

– Ты уверен, что хочешь правды?

– Да.

Свет от желтого абажура падал на лицо Натальи, от чего ее кожа выглядела золотистой.

– Было однажды, – призналась она после заметного колебания.

Михаил почувствовал горечь. Он жадно закурил.

– И как это произошло, позволь узнать?

Наталья пожала плечами.

– А как это обычно происходит? Легла в постель в одном качестве, а встала в совершенно ином... В общем-то, я не назло тебе так сделала, все получилось как-то само собой. Помнишь, год назад ты меня отпустил на день рождения к подруге?

– Что-то припоминаю, – неуверенно протянул Михаил.

– Так вот, никакого дня рождения не было. Меня ждал мой бывший одноклассник. Когда-то между нами было влечение, да вот как-то не удавалось его реализовать. Разве можно было упустить такую возможность?

– И часто вы потом вспоминали молодость?

– Еще раза три... Но... – Наталья что-то хотела добавить, однако ее оборвал звонок в дверь. Так мог звонить только человек, который был уверен, что в этом доме его ждут.

– Вот тебе повод для новых светлых воспоминаний, – сказал Михаил, поднявшись с кровати.

– Ты куда?! – заволновалась Наталья. – Прошу тебя, не делай глупостей!

– Не переживай, – усмехнулся Михаил и, набросив на плечи рубашку, направился в прихожую. – Не в моих правилах компрометировать женщину.

– Что ты собираешься делать? – в ее голосе прозвучал самый настоящий испуг.

– Хочу посмотреть в глазок и убедиться, что припозднившийся кавалер все-таки тебя достоин. А вдруг он кривой или хромой?

Михаил, стараясь не шуметь, босыми ногами прошлепал к двери и посмотрел в глазок. У порога, чуть наклонив коротко стриженную голову, стоял самый обыкновенный парень лет тридцати. Черные волосы, узкое лицо. Такой тип мужчин нравится женщинам. Парень показался ему знакомым. Михаил присмотрелся, пытаясь вспомнить, где он мог видеть этого человека раньше, но не вспомнил и неслышно отступил назад.

Раздался еще один звонок, уже не столь решительный. После чего на лестнице послышались удаляющиеся шаги, хлопнула дверь подъезда.

– Правда, симпатичный? – с издевкой спросила Наталья, когда Михаил вернулся.

Она успела накинуть на себя халатик, но раздеть ее снова отчего-то не тянуло.

– Жилистый, значит, выносливый. – Михаил постарался придать своему голосу как можно больше равнодушия.

Наталья вытащила из пачки еще одну сигарету. Закурила. Изячно у нее получилось, почти картинно.

– Мне приятна твоя оценка моего любовника. При случае могу передать ему твое восхищение. Думаю, он тоже будет польщен.

Струйка дыма была направлена напрямиком в Михаила. Так отгоняют надоедливую кошачью кару.

– Тогда заодно скажи ему, что я нахожу тебя в постели несколько вяловатой, – парировал Михаил, одеваясь. – Может, нам с ним стоит встретиться и совместно обсудить твое сексуальное поведение?

Доверие, недавно установившееся между бывшими супругами, рухнуло. Михаил одевался неторопливо, надеясь, что Наталья остановит его хотя бы взглядом, но она невозмутимо курила.

Не произнеся больше ни слова, Михаил покинул дом, который давно перестал считать своим. На улице ощущение близкой опасности мгновенно пронзило его сознание. Как правило, оно не подводило Михаила.

Прикосновение к кобуре придало ему уверенности, вглядываясь в темные закоулки двора, он не мог избавиться от неприятного чувства, что за ним наблюдают. Осмотревшись и не обнаружив ничего подозрительного, Михаил заторопился со двора на улицу. Приближался рассвет, и хотелось выкроить хотя бы парочку часов для сна.

Он не заметил, как от дерева отделился мужской силуэт, двинувшийся за ним следом. Некоторое время неизвестный сопровождал Михаила, а потом, поотстав, повернул обратно.

* * *

Следующее убийство не заставило себя долго ждать. Оно произошло в противоположном конце Москвы, в Медведкове. Опять человек Варяга, опять рэкетир.

Убийца подкараулил его на лестничной площадке, между вторым и третьим этажом, вогнал ему клинок в сердце, а потом – пулю в висок. Свидетелей не нашлось, соседи не слышали никакого шума. Следов тоже никаких, ну разве что отстрелянная гильза, закатившаяся в самый угол. Картина преступления снова позволяла предположить, что убийца был прекрасно осведомлен о планах своей жертвы и подстерегал ее в нужном месте и в нужное время.

Совещание с оперативным составом Крылов назначил ровно в десять, но прежде полковник пожелал встретиться с Михаилом Чертановым. Геннадий Васильевич ответил на приветствие подчиненного коротким кивком и указал взглядом на стул.

– Какие-нибудь соображения по текущему делу имеются? – спросил он у Михаила, едва тот разместился напротив.

Крылов слыл прирожденным сыскарем. И если бы его лишили любимого занятия, то он наверняка засох бы от тоски, как это бывает с деревом, лишенным питательных соков. Полковник производил впечатление человека великодушного, где-то даже доброго, чему в небольшой степени способствовала его полнота, которая делала его похожим на детскую плюшевую игрушку. Но в действительности полковник имел очень сильный характер и порой смотрел на сотрудников таким буравящим взглядом, как будто намеревался проделать каждому дыру во лбу.

Михаил невольно поежился.

– Я опросил всех свидетелей... Вернее, тех, кого возможно было опросить за это время, – невольно поправился он, заметив, как складка между бровями полковника заметно углубилась. – Предположительно убийца был одет в темно-серую куртку. На голове черная вязаная шапочка, лицо он обмотал зеленым шарфом. Так что рассмотреть его никто не сумел. Опять же предположительно он немного выше среднего роста... Хотя все это условно... В обоих случаях его видели мельком две пожилые женщины. Это очень ненадежные свидетели. Сегодня они говорят одно, завтра – совершенно иное... Но то, что действовал один и тот же человек, не вызывает никаких сомнений. Выстрелы были произведены в правый висок и с очень близкого расстояния. Калибр пули такой же, как и в других случаях.

– Зацепки какие-нибудь конкретные имеются? Друзья, круг знакомых? Может быть, убийцу и жертв что-нибудь связывало?

– Эту линию мы тоже прорабатываем, товарищ полковник. Жертвы не были даже знакомы. Жили в противоположных концах города, совершенно разный круг общения. Женщина, как нам удалось выяснить, занималась антиквариатом. Мужчина, убитый в Медведкове, бывший офицер десантных войск, подавшийся работать у бандитов. Его интерес к антиквариату носил, гм, специфический характер. Собирал дань с антиквариатчиков...

– У них были при себе деньги?

– Скорее всего, – ответил Михаил.

– Деньги обязательно должны были быть, – согласился Крылов. – С точки зрения преступника, любой антиквариатчик – идеальная жертва. Народ в основном интеллигентный, мягкотелый.

– Так точно, товарищ полковник, это не банк грабить, где могут башку прострелить, а потом у антиквариатчиков при себе всегда имеется несколько тысяч долларов. Из-за такой суммы можно пойти на риск. Оружия при себе они не имеют, таких потрясти – все равно что яблоню.

– А что ты скажешь по поводу убийства «кассира» – рэкетира? Мужик был сильный, не робкого десятка. Думаешь, легко застать такого врасплох? Да и другие были такие же...

Михаил пожал плечами:

– Очень напоминает вызов вора. Пойти на такое мог только законченный отморозок. Ведь его будем искать не только мы, но и братва, что куда для него опаснее. Если они найдут его раньше нас, то мгновенно упакуют в деревянный бушлат.

– Ничего не изменится, даже если мы опередим Варяга, – буркнул Крылов. – Беспредельщика прирежут после ареста где-нибудь, в следственном изоляторе, на зоне. И все-таки ловить его нам. Где? Как?

– Похоже на то, что преступник имеет в среде скупщиков антиквариата своего информатора, – осторожно предположил Михаил.

– Не исключено, – охотно согласился полковник. – И обрати внимание, майор, на кассира он напал не где-нибудь на дороге, а в его собственном подъезде. В это время человек расслабляется, потому что пришел домой. А здесь для него, оказывается, заготовлен сюрприз в виде нескольких граммов свинца в голову.

В руках у полковника была красивая шариковая ручка, которую он то и дело переворачивал. Ручка обладала интересной особенностью – стоило ее слегка наклонить, как крохотная девушка, спрятавшаяся в толще прозрачного пластика, лишалась лифчика, при более сильном наклоне дело доходило и до узких трусиков.

– Совершенно верно, – поддакнул Михаил, скосив глаза на пальцы Крылова. Очень хотелось пообстоятельнее рассмотреть занятную игрушку, увлекшую начальство.

Перехватив его взгляд, Крылов сунул ручку в карман и сказал:

– Между всеми убийствами короткие перерывы. Деньги у грабителя заканчиваются быстро, значит, он любит жить на широкую ногу. Наверняка деньги спускаются в казино, оставляются в ресторанах халдеям, тратятся на шлюх. – Он неодобрительно крякнул. – Ты вот что, майор, напряги свою агентуру во всех значных местах, может быть, там что-нибудь интересное всплывет. Мало ли, может, проговорится кто-нибудь? Если работал не залетный какой-нибудь, то о нем наверняка должны знать. Если все-таки это промышлял гастролер, то его вообще могут сдать нам с потрохами. Во – первых, на чужой хлеб роток не раскрывай, а во-вторых, он как кость поперек горла Варягу, который доит антиквариатчиков. Как ты думаешь, майор?

– Все верно, товарищ полковник.

– С антиквариатчиками мы, конечно, немного дали маху. Нам нужно было давно занять среди них осведомителя. Там происходит черт знает что, а мы совершенно не в курсе. Нужно действовать на опережение. – Крылов подпер большими пальцами подбородок и спросил: – Трудно будет внедрить к ним нашего человека?

Михаил ненадолго задумался:

– Я немного знаю эту публику. Своеобразная каста, сторонящаяся разного рода чужаков. К ним просто так, без рекомендации, не подступишься. А потом, даже среди них существует очень жесткая конкуренция. Сработаться с ними может только очень компетентный человек.

– Это ты в самую точку, – согласился полковник. – Для этого дела идеально подошел бы Маркелов Захар. Парень он артистичный. Помнишь, как мы его в охрану внедрили? – Майор молча кивнул. – Но сейчас уже не получится, засвечен! Ты-то сам кого порекомендуешь?

Нечасто полковник Крылов просил совета. Обычно к чужому мнению он относился как к полному недоразумению, не выдерживающему никакой критики.

– Ну-у... трудно так сразу сказать, – замялся Михаил.

– Тогда скажу я. Шибанов!

– Гриша? Ему придется трудновато, товарищ полковник. Все-таки, как говорится, не пацан, а сформировавшийся человек. Ему трудновато будет подстроиться под психологию этого жулья. Здесь должен быть кто-то с более гибким мышлением.

– Глупости, майор, – отчеканил Крылов. – Шибанов в курсе дела, парень он сообразительный, и если будут возникать какие-то вопросы, то ты будешь помогать ему решать их по мере возникновения. Задача понятна?

– Так точно, товарищ полковник, – выдал из себя Михаил.

– Тогда ступай и пожелай другу успехов на новом поприще. После совещания я с вами обоими побеседую на эту тему более подробно.

Достав из недр пиджака свою хитрую ручку, Крылов принялся вертеть ее в руках с таким видом, словно она интересовала его куда сильнее всех оперативных разработок, вместе взятых.

Глава 5

ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ

Шибанов нервно посмотрел на часы – Кочан опаздывал на десять минут. В последние полгода его агент вел себя как девушка, избалованная вниманием. Мог опоздать минут на пятнадцать, а то и вовсе не явиться на встречу. А позже, позвонив по домашнему телефону, слезно просить прощения за забывчивость.

За подобное легкомыслие осведомителя следовало бы упечь куда-нибудь в приемник-распределитель суток на пятнадцать. Соседство с тамошним контингентом очень прочищает мозги, но Шибанов всякий раз откладывал задуманную акцию, надеясь на благоразумие Кочана.

Контактный, малость разухабистый, Кочан имел приятелей едва ли не во всех слоях общества, а потому его информация всегда отличалась достоверностью. По складу характера он был авантюристом и наверняка считал себя разведчиком, оказавшимся в стане неприятеля.

Шибанов поежился. Мартовский воздух был прохладен, и он уже пожалел о том, что не надел свитер под легкую куртку. Еще минут пятнадцать подобного ожидания, и он будет неотличим от статуй, навеки застывших в парке.

Кочан возник за спиной неожиданно, словно материализовался из воздуха. Кашлянул негромко над ухом вздрогнувшего Шибанова и, весьма довольный произведенным эффектом, присел на холодную скамью:

– Привет, начальник.

– Ты заставляешь себя ждать.

– Через весь город на перекладных добирался, начальник. У тебя ведь служебная машина. Пальцем щелкнул, и тебя куда угодно отвезут, а мне приходится свои кровные палить.

– Ты чего свистишь? – возмутился Григорий, одновременно удивляясь себе, что способен стойко выдерживать такое хамство. – У тебя же есть машина!

– Разбил я ее, начальник! – чуть ли не радостно объявил Кочан. – Вдрызг разбил! На Кольцевой... Один баран остановил свою тачку на крайней левой полосе, так я в нее со всего размаху въехал. Не знаю, как живой остался.

– Пьяный, что ли, был?

– Самую малость, – широко осклабился Кочан.

– Права, наверное, забрали?

– А ты думаешь, я ментов дожидаться, что ли, буду? Вылез из машины и пошел себе. А там попробуй докажи, что это я за рулем был! Угнали у меня машину, вот так-то!

– А ты хитрец.

– С вами без хитрости нельзя, быстро на кичу определите. Хе-хе-хе!

– Ты об ограблении антиквариатчиков слыхал? – перешел на деловой тон Шибанов.

– Конечно, слыхал, начальник, – кивнул Кочан. – Весь город по этому поводу гудит. Каждую неделю кого-нибудь из них убивают.

– Что ты можешь сказать об этом, Кочан?

На свое погоняло парень не обижался. При высоком росте и узких плечах его голова выглядела безобразно огромной и в самом деле напоминала выросший в чистом поле овощ. Сходство усиливали огромные уши, торчащие по бокам головы словно капустные листья.

– Начальник, вчера с корешами водяру жрали, до сих пор не могу оклематься. Может быть, ты мне на оздоровление денжат подкинешь? А то в горле пересохло, боюсь, как бы слова к языку не прилипли. Пивком бы освежиться.

Шибанов усмехнулся. Кочан любил устраивать праздники из подобных встреч и по возможности старался урвать у куратора хотя бы полтинник.

– На, возьми! – протянул Шибанов сто рублей. – И не забудь вернуть сдачу. Это ты у нас левыми заработками промышляешь, а я на голом окладе сижу.

– Начальник, в натуре!.. Ну, ты за падлу меня, что ли, удержишь? – попытался обидеться Кочан, но радость от халявной выпивки буквально распирала его. – Не переживай, я тебя нагревать не собираюсь. Тут рядом киоск есть, я мигом! – Он засеменял длинными ногами по аллее парка и, уже отойдя на значительное расстояние, обернулся, спросив: – А может, тебе, гражданин начальник, что-нибудь покрепче взять? – Прочитав на лице Шибанова отрицание, кивнул понимающе: – Ах да, конечно, служба!

Вернулся Кочан быстро, издали победно встряхнув в воздухе двумя баллонами с пивом. Не доходя несколько шагов до скамейки, он открыл один из них и жадно проглотил зараз полтора литра. Прямо скиталец, исстрадавшийся в пустыне от жажды.

Сыто отрыгнув, он приблизился и хвастливо спросил:

– Ты заметил, начальник, как пошло пиво? Раз, и нету! Зато я теперь не ходячий похмельный синдром, а сознательный гражданин, – бубнил Кочан, садясь рядом и скручивая крышку второй емкости.

– Ты ничего не забыл? – хмуро поинтересовался Шибанов.

– Если я чего-то и забыл, начальник, так это спозаранку опохмелиться, – редкозубо заулыбался Кочан.

– Сдачу гони, балабол!

– Пожалуйста!

Несколько медлительнее, чем следовало бы, Кочан вытащил горсть мятых бумажек. Он всегда болезненно расставался с деньгами, даже если они были чужими.

– Десятку зажил, – констатировал Шибанов, пряча в карман деньги. – Ладно, давай по существу.

– Вот смотрю я на тебя, гражданин начальник, и никак тебя не пойму. Вроде бы все при тебе есть: и рожа, и рост. Наверняка бабы млеют только от одного твоего взгляда. А ты все время о делах говоришь. Расслабься! Вот сколько мы знаем друг друга? Год? Другие за это время такими корешами становятся, по целому морю водяры успевают выпить, а ты от меня все нос воротишь. Давай с тобой, начальник, лучше на дружеской основе пообщаемся. Возьмем телок, завалимся куда –нибудь на хату да оттянемся на всю катушку...

– Смотри, ты у меня сегодня действительно оттянешься... в КПЗ.

– Понял, понял, – торопливо сказал Кочан. – О делах так о делах. Так вот, что антикварщиков касаемо... На внутренние разборки не похоже. Скорее всего, их залетные щемят. По почерку видно, что ребята отчаянные, другие бы против Репы и Варяга не поперли. Они теперь во вкус вошли, с каждым днем наглеют все больше, на этом и погорят. Если не менты прижучат, то достаточно набирается других желающих с ними душевно пообщаться.

– Это понятно, – отмахнулся Шибанов. – Ты мне вот что скажи: у тебя выход на антикварщиков есть? Мне в их среду затесаться надо, а они люди осторожные, особенно в свете последних событий.

Кочан промолчал. Лицо у него порозовело, глаза подернулись маслянистой пленкой. Он глуповато улыбался девушкам, успевшим с первым весенним солнышком заголить колени, но отвечать не торопился. Пришлось хорошенько потряхнуть его за плечо.

– Ты чего, начальник? Я ж думаю!

– Надумал?

– Ну, в общем-то, есть такая возможность... Хотя, с другой стороны...

Шибанов недобро усмехнулся:

– Мне кажется, пиво на тебя плохо влияет. Что-то у тебя реакция стала замедленной. Не расшевелить ли тебя немного?

– Э! – обеспокоился Кочан. – Я просто хочу попросить тебя об одной услуге и не знаю, как подступиться...

– Когда тебе нужны деньги, так ты не стесняешься. Выкладывай, что там у тебя?

– Я тут с одной соской сошелся. Молодая деваха, лет восемнадцати. По клиентам она работает, ну и мне кое-что перепадает. Я парень не брезгливый, так что претензий к ней не имею. Каждый зарабатывает так, как умеет. А тут неделю назад ее к богатому фраеру вытянули. Баба она умелая, завести может с полоборота даже паралитика, вот на радостях он и задарил ее разной всячиной.

– Какой, например?

Кочан замялся:

– Золотые часы «Ролекс», бриллиантики. Потом еще видеокамеру дал. Доллары под юбку сунул...

– Сколько?

– Кажется, тысяч шесть.

– Ого! Щедрый! – саркастически улыбнулся Шибанов.

Но Кочан сделал вид, что не понял намека.

– Этот козел, – возмутился он, – потом на нее «заяву» написал. В общем, закрыли ее, начальник.

– Так что ты от меня хочешь-то?

– Ты бы поспособствовал, чтобы заявлению ход не дали. Хочешь верь, хочешь нет, но у меня к этой девке любовь. Деру ее во все дырки, а сердечко песни поет...

– Очень романтично, – хмыкнул Шибанов. – Где задержали даму твоего сердца?

– В Северо-Западном округе.

– Ладно, выясним. Обещать не буду, но постараюсь сделать все возможное.

– Вот спасибо, начальник! Я с лихвой отработаю!

– Меня интересуют антикварщики, – лаконично напомнил Шибанов.

– Могу хоть завтра с ними свести. С Вальком перетру, что почем, и все. Он на Арбате целыми днями тусуется. Среди этой шушеры он в авторитете, так что поможет.

– Завтра в девять, устроит?

– Заметано.

– Еще один вопрос на дорожку. Что у вас говорят об убийстве женщины в Царицыне?

Подумав, Кочан отвечал:

– Бабу эту случайно сделали. Она ведь была подруга Колючего, кассира с Таганки. Обычно деньги он домой забирал, а тут ей передать решил.

– Не знаешь почему?

– Сложно сказать, – пожал плечами Кочан. – Там ведь у них какие-то свои игры идут. Никто ничего толком не знает, но просто так отдать деньги он не решился бы. Может, в ее хате общак находился, а? Баба одинокая, вне подозрений. Почему бы и нет? В наше время еще и не такое встретишь. Но тот, кто ее замочил, очень обидел серьезных людей. И если он попадет на зону, то больше одного дня там ему не прожить.

– А Колючий что?

– Ему даже собирались правилку устроить. Потом ходили слухи, что на счетчик поставят, но ничего, обошлось. Парень он молодой, перспективный, от такого пользы больше, чем вреда. Короче, голову ему на плечах оставили, хотя настучали в нее, как в бубен.

– Понятно, – Шибанов встал. – Все, разбегаемся.

– Разбегаемся, начальник, только давай сначала договоримся, – осклабился Кочан. – Не назначай ты свои свидания на улице в такую холодину! Как говорится, не май месяц, у меня задница отмерзла совсем. В Москве баров, что ли, нет? И пивка попить можно, и в тепле посидеть.

– Договорились, – улыбнулся Шибанов. – Только в следующий раз твоя очередь угощать.

* * *

Серый вдавил недокуренную сигарету в пепельницу. Тонкая бумага лопнула, и желтый табак неряшливо просыпался, испачкав пальцы.

– Вон того высокого хмыря в красной куртке видишь, Гончар? – спросил он, повернувшись к своему собеседнику, подвижному мужчине неопределенного возраста.

– Который сейчас валютой расплачивается? – уточнил тот, простуженно шмыгнув носом.

– Он самый, – подтвердил Серый. – Фартовый мужик. Вчера ему старушка какая-то серьги с изумрудами принесла, а теперь – перстень с бриллиантами. Поскольку он у греческого посольства трется, то каналы сбыта у него отлажены. Прикинь, сколько он «капусты» рубит в течение месяца. А в год?.. Прямо голова кругом идет.

Серый откинулся на спинку кожаного кресла. Удобно. Роскошь он любил. Впрочем, кто ее не любит? Но не у каждого есть деньги, чтобы ее оплачивать. Через тонированное стекло автомобиля хорошо просматривался пятак у антикварного магазина, где топталось несколько человек. Здесь, едва ли не круглосуточно, проводились сделки, и, судя по количеству людей, которые желали избавиться от старинных украшений, можно было смело предположить, что в карманах «жучков» оседал немалый капитал. Почему же не в карманах Серого?

– Во сколько этот тип заканчивает свою рабочую смену? – спросил он.

– Часиков до шести будет стоять... – ответил Гончар.

– Люблю весну в начале марта, – хохотнул Серый.

– За что ж ее любить?

– Темнеет рано. Это плюс... Адрес помнишь?

– Обижаешь!

– Тогда отчаливаем.

Серый повернул ключ зажигания, дождался, пока заурчит двигатель, притопил педаль газа и медленно поехал по переулку.

Следующая остановка была сделана в районе Марьинского бульвара. Выбравшись из машины, Серый бросил критический взгляд на номера «девятки». Ничего не разобрать. Цифры были густо заляпаны грязью.

– Такие бабки гребет. Мог бы подыскать себе что-нибудь попроще этой халупы, – заметил Серый, когда Гончар ткнул пальцем в пятиэтажное здание.

Гончар хихикнул:

– А это он для конспирации. Подставляться не хочет.

Подъезд был не освещен, о чем Гончар позаботился заранее, выкрутив лампочки на нижних пролетах. Лишь на последнем этаже через толщу пыли пробивался тусклый свет.

Поднялись на второй этаж. В подъезде было тихо и прохладно, как в склепе. В окно виднелся небольшой садик, засаженный хилыми деревцами, и две скамейки, присыпанные снегом. Дорога к подъезду шла узкая – две легковушки вряд ли разминутся.

Серый чертыхнулся, увидев, как к соседнему подъезду подрулила темная иномарка, совершенно перекрыв проезжую часть. Вышедшие из машины парни о чем-то громко разговаривали, без конца смеялись и при этом жестикулировали так энергично, словно разминались перед дракой.

Если потребуется срочно уезжать, подумал Серый, то придется сдавать задом и идти на таран. Он не сдержал вздох облегчения, когда парни наконец вновь загрузились в иномарку и покатали дальше, оглашая двор включенной на полную громкость музыкой.

– Терпеть не могу рэп, – процедил Серый.

– Будем надеяться, что эта самая большая неприятность за сегодняшний день, – философски заметил Гончар.

Он ошибся. Неожиданно раздался щелчок отворяемого замка, и дверь слегка приоткрылась. В полумраке угадывалась сгорбленная старушечья фигура с седыми космами. Серого передернуло от дурного предчувствия.

– А что это вы здесь делаете, молодые люди? – неожиданно звонко поинтересовалась старуха. – Другого места не нашли водку распивать?

– Какая может быть водка, мать? – откликнулся Серый. – Девушку мы ждем.

– Это кого же?

– Девушку, – тупо повторил Гончар, не отличавшийся богатой фантазией.

– Уж не Зинку ли с третьего этажа? – скрипуче осведомилась старуха.

– Ее самую, – согласился Серый.

– Столько хахалей у этой шалавы, что их всех и не запомнишь... Ишь, устроили тут притон! Милицию бы на вас!

– Уж сразу так и милицию, – отбрехивался все тем же миролюбивым тоном Серый. – А если это любовь?

– Знаю я вашу любовь! Вам бы только под юбку залезть! – Не дожидаясь ответа, старуха громко хлопнула дверью.

– Видал? – усмехнулся Серый. – Натуральная баба-яга, а туда же – под юбку!

– Любви все возрасты покорны, – продемонстрировал Гончар знакомство с классической поэзией.

Во двор, мигнув левым поворотником, въехал темно-синий «Фольксваген Пассат». Забравшись колесами на бордюр, он остановился как раз напротив подъезда. Широко распахнув дверь, из машины вышел молодой человек в красной куртке. Поставив машину на автоматическую охрану, он уверенно зашагал в сторону подъезда.

Натянулась со зловещим скрежетом входная пружина, и тотчас, сбивая штукатурку с потолка, хлопнула дверь.

Серый вытащил из кармана шапочку с прорезями для глаз и быстро натянул ее на голову. Гончар стоял рядом, такой же безликий, только в темноте хищно поблескивали глаза.

Антиквар пребывал в хорошем настроении. Он что-то негромко напевал и, преодолевая сразу по две ступеньки, вбежал наверх. Заметив два силуэта у окна, он ускорил шаги и, стремясь не задеть стоящих, прижался к перилам. Но неожиданно один из них отделился от стены и, загородив проход, произнес:

– Веди себя спокойно, если не хочешь обзавестись лишними дырами в собственной шкуре.

Серый отметил, что при виде узкого лезвия заточки в расширенных зрачках парня застыл неподдельный ужас.

– Что вы от меня хотите? – голос скупщика антиквариата заметно дрогнул. Парень догадывался, что находится в одном шаге от смерти. Теперь он точно знал, как она выглядит: чуть выше среднего роста, в темной маске. Остального не разобрать – полумрак.

– Ты знаешь, что случается с твоими коллегами, которые плохо ведут себя?

– Д-да.

– Это хорошо, значит, не нужно ничего объяснять, – спокойно проговорил Серый, пощекотав острием заточки сонную артерию жертвы. – А теперь тихонечко, без всяких необдуманных телодвижений, спускайся вниз. Я не чемпион по стрельбе, но уверяю, с двух метров я обычно не промахиваюсь. – Он показал перекупщику пистолет с глушителем.

– Я вас понял, – часто закивал парень и, едва сгибая в коленях онемевшие ноги, пошел вниз.

Когда молчаливая процессия очутилась во дворе, Гончар открыл дверцу машины, а Серый затолкнул пленника в салон. Гончар пристроился рядом. Серый, не теряя ни секунды, сел за руль. «Девятка», взвизгнув шинами, мгновенно отъехала от подъезда.

– Голову ему наклони, чтобы не зыркал, – распорядился Серый, снимая с лица маску. – Вот так.

– Может, он у меня по дороге еще и отсосет, я могу и ширинку расстегнуть, – хохотнул Гончар.

– Оставь, – оборвал Серый. – Я вижу, что он парень с понятиями, зачем его обижать? – Он свернул в безлюдный переулочек и заглушил мотор. – А теперь давай поговорим по-свойски. Сколько у тебя баксов?

– У меня две тысячи... в кармане. Больше ничего нет, клянусь вам.

– Ай-яй-яй! – разочарованно протянул Серый. – Я был о тебе куда лучшего мнения. Такой солидный человек – и целыми днями простаивает на улице из-за каких-то двух тысяч баксов. А ведь сейчас холодно, зря ты не бережешь себя, – протянул он сочувственно, – так ведь и яйца отморозить можно... Придется тебя обшмонать на предмет наличия теплого белья...

– Ха-ха-ха! – Гончар, ткнув протянутый ему «вальтер» в лоб пленнику, бесцеремонно вывернул его карманы. – Голову не поднимай! – прошипел он.

В салон щедро просыпалась денежная мелочь, звонко бряцнула связка ключей.

– А вот и заначка, – удовлетворенно протянул Гончар. – Ровно две штуки баксов, я сосчитал.

– Пошуруй еще, – сердито распорядился Серый. – Наверняка этот хмырь остальное еще куда-нибудь занюхал. За подкладкой куртки посмотри. Они, суки, любят туда «капусту» прятать.

– Точно, что-то есть, – радостно воскликнул Гончар, пошарив ладонью за подкладкой. – Только как туда добраться?

– На! – Серый сунул ему заточку, а пистолет забрал себе.

Послышался треск распарываемой ткани.

– Куртка, – взмолился валютчик. – Она дорогая.

Гончар хохотнул:

– Ну что за народ! Что за скряги! Может, он через минуту сдохнет, а о барахлишке печется... Ну, бля буду, повезло! – выдохнул он восторженно. – Да здесь не меньше десяти штук баксов припрятано!.. Ого, тут и кольцо с бриллиантом. Послушай, – Гончар подмигнул Серому, – а может, нам с тобой тоже в антикварчики переквалифицироваться? Работа у них не хилая. Стоишь где-то на углу, с деваками мило беседуешь, на вечерок договариваешься, а денежки сами в карман сыплются. Не хило, а?

Наблюдая в зеркальце заднего вида, как напарник рассовывает добычу по карманам, Серый поморщился:

– Чем языком попусту болтать, лучше дай барыге понять, что он очень меня расстроил. Объясни, что я терпеть не могу хронических врунов. И вообще, пусть знает, что с такими серьезными людьми, как мы, так себя не ведут. Можно заработать большие неприятности.

Гончар негромко хохотнул и с коротким замахом ткнул рукоятью заточки в скулу пленнику.

– Ыы! – взвыл парень. – Зубы раскрошил.

– Это только начало твоих неприятностей. Дальше может быть еще хуже. А теперь расскажи, где ты прячешь остальные деньги?

– У меня нет никаких денег... Клянусь!

– Ладно, – разочарованно протянул Серый, – вижу, что здесь разговор у нас не клеится. Но у меня есть на примете одно тихое местечко, где исповедоваться тебе будет легче.

Серый завел двигатель, и машина мягко заскользила в ночь.

Через полчаса «девятка» выбралась к лесополосе. Место глухое и очень негостеприимное. Темные деревья почти не отличались от отбрасываемых ими теней.

Серый с Гончаром вытолкали из салона пленника.

– Посмотри вокруг, – произнес Серый, – что ты видишь?

– Лес, – с содроганием произнес пленник. Он съежился, и от этого казалось, что он усох наполовину.

Серый с Гончаром дружно захохотали.

– Действительно, лес... Ты посмотри, какая вокруг замечательная природа, как легко здесь дышится! Через неделю повсюду зажурчат ручьи, защебечут птицы... Но ты этого никогда не услышишь.

– Что вы от меня хотите? У меня ничего нет, ничего!

– Не столько тебя жаль, сколько твоих близких, – продолжал Серый задушевым тоном. – Ты даже не представляешь, как им тяжело будет обращаться в милицию по поводу твоего исчезновения.

– У меня ничего нет! – долдонил пленник.

– Да, некоторые люди не умеют ценить дружеское расположение... А ведь ты сначала мне очень понравился. – Держа «вальтер» наготове, Серый подал знак Гончару. – Может, ты найдешь общий язык с этим упрямым?

Гончар коротко хохотнул. Неприятно, дико. Его смех больше напоминал вопль гиены, почуявшей добычу. Он приблизился вплотную к пленнику и прогудел:

– Какой красавчик, видно, баб имеет целый гарем... Только надолго ли? – Удар кулака пришелся парню в лицо. Нижняя губа того мгновенно лопнула, брызнув на почерневший снег кровью. – Какая жалость, какая жалость! – сочувственно запричитал Гончар. – Ах, какой замечательный портрет испортился! Больно?

– Больно, – плаксиво подтвердил пленник.

– Ничего, сейчас я тебя подлечу. – Гончар со всего размаха нанес еще один удар. – Господи, что же это такое происходит? У тебя никак от волнения глазные сосуды полопались. Видел бы ты, на кого стал похож! Вылитый урод. Теперь тебя подружки бесплатно любить не будут, даже не надейся.

– Где деньги? – жестко спросил Серый.

– У меня их нет. – На этот раз голос скупщика прозвучал не так уверенно.

– Я просто диву даюсь, – возмутился Гончар. – Из-за каких-то зеленых бумажек он готов под землю лечь! Не знает, наверное, что фраеров жадность губит.

– Что ж, это его проблемы, – в голосе Серого прозвучало соболезнование. – Лично мне больше время терять не хочется – в казино уже начинается самая игра. Так что будем прощаться.

– Прощаться? – в голосе несчастного затеплилась надежда.

– Посмотри туда. – Серый ткнул стволом в темноту, где зияла узкая яма глубиной в человеческий рост. – Мы зароем тебя по горло. Знаешь, сколько может прожить человек в таком положении?.. Всего лишь три дня, проверено на практике. Это при самом благополучном раскладе, когда земля теплая, а сверху греет солнышко. В это время года ты можешь рассчитывать всего лишь на несколько часов. Впрочем, скоро ты сам убедишься...

– А ну, пошел! Прыгай вниз! – заорал Гончар.

Пленник попятился, стараясь держаться подальше от края своей могилы. Ударом ноги Гончар угодил ему в солнечное сплетение, заставив согнуться пополам.

– Глубже дыши, – посоветовал Гончар, – а то сдохнешь раньше времени. – Ухватив стонущего антикварщика за волосы, он ударил его коленом в лицо, подволок к яме и толкнул вниз.

Серый присел на корточки и, помахивая стволом, заговорил:

– До чего же может довести человека упрямство! Это надо же, какая незавидная участь быть закопанным живым где-то на окраине Москвы! Хочешь, я расскажу, что будет с твоими останками, скажем, месяца через полтора, когда окончательно растает снег? Сначала твою голову, торчащую из земли, обглодают бродячие псы, которых здесь несметное количество. А потом, немного позже, когда у молодежи начнут бурлить гормоны в крови, на твои останки натолкнется какая-нибудь влюбленная парочка, ищущая уединения. Твои кости никогда не опознают и заруют на краю кладбища, где обычно закапывают всяких бродяг... Ну, что стоишь? – прикрикнул Серый на ухмыляющегося Гончара. – Закапывай его.

– Это мы мигом! – радостно воскликнул Гончар и, подняв с земли лопату, принялся засыпать корчащееся в яме тело. Комья глины, шурша, рассыпались по куртке, разбивались о задранное к ночному небу лицо.

– Постойте! – отчаянно закричал пленник. – Я все скажу!

Ухватившись за край ямы, он попытался выбраться, но удар ногой в челюсть вновь опрокинул его в яму.

Серый порылся в карманах, достал пачку сигарет. Изящным щелчком выбил одну и, жадно вдыхая ароматный дым, закурил.

– Ты, однако, опоздал, парень. У меня нет привычки долго уговаривать своих клиентов. Признаюсь, я рассчитывал на твои бабки. Уж очень мне не хотелось идти в казино пустым. А ты подвел меня, не пожелал делиться. Сам пойми, как мне людям в глаза смотреть, если я заявлюсь на серьезную игру, имея в кармане каких-то несчастных десять тысяч баксов?

Пленник сидел на самом дне ямы. Воля его была парализована, в расширенных зрачках мерцал животный ужас. Он перестал обращать внимание на комья земли, что падали ему на плечи, спину и уже полностью засыпали голени.

– Я все скажу... деньги у меня дома... Только не убивайте меня... п-прошу вас. У меня престарелая мать. Она не переживет этого.

Серый бросил горящий окурок в яму, удачно попав пленнику за шиворот. Сначала тот даже не замечал жалящего огня. Казалось, все чувства у него были заблокированы, и сам он находился в глубокой прострации. Лишь когда из-под воротника повалил дым, он наконец нашел в себе силы пошевелиться, чтобы вытряхнуть тлеющую сигарету.

Гончар вновь развеселился – эхо разнесло по округе безжалостный хохот гиены. Серый лишь скупо улыбнулся.

– Знаешь, твои слова способны разжалобить даже камень, а что говорить о таком мягком человеке, как я! Считай, что тебе сегодня крупно повезло. Итак, где ты прячешь деньги?

– В кухонной плите, в духовке, – выдавил из себя пленник. – Внутри большая металлическая коробка. В ней тридцать тысяч долларов.

– А ты, оказывается, большой оригинал. Как тебя зовут?

– Виктор.

– У тебя богатое воображение, Витек. А если бы твоя престарелая мать нанесла тебе визит и вздумала испечь пирог своему любимому сыночку? Сгорели бы твои денежки синим пламенем. – Согнав с лица улыбку, Серый добавил: – Если денег там не окажется, я тебя самого поджарю на огне до хрустящей корочки... Ключи у тебя? – обратился он к напарнику, не называя его по имени.

– А как же! – откликнулся Гончар.

– Тогда присыпь-ка нашего нового друга по пояс. Пусть знает, что мы не шутим. Я тебе позвоню на мобильник, и, если денег не окажется, просто пристрели его и закопай. Ненавижу бродячих собак. Незачем оставлять им дармовое угощение.

Сунув связку ключей в карман, Серый сел в машину и, стараясь не ухнуться в колдобину, вырулил на трассу.

Обратная дорога всегда короче. Он уложился за двадцать минут. В этот раз темнота в подъезде была помехой, и Серый не сразу сумел отыскать замочную скважину. Бдительная старушенция не высунулась. Скорее всего она уже спала или просто ворочалась в постели с боку на бок, вспоминая славные времена, когда мужчин живо интересовало, что находится у нее под юбкой.

Немного повозившись с замками, Серый открыл внешнюю металлическую дверь и внутреннюю – деревянную, очень хлипкую. По-хозяйски включил свет в прихожей. Не без интереса осмотрел интерьер. Хозяин обладал неплохим вкусом. Повсюду виднелись безделушки, завезенные едва ли не со всех частей света: раковины, медные кувшины, какие-то пестрые ткани. В самом углу комнаты стояла женская фигура, вырезанная из черного дерева. Следовало отдать должное неизвестному мастеру – выглядела она как живая. На шее золоченая бижутерия, вокруг пояса узенькая набедренная повязка, на тонких кистях браслеты из жемчуга; а пухлые губы слегка приоткрыты, словно приготовились для сочного и страстного поцелуя.

Жаль, что такую прелесть невозможно спрятать в карман, а волочить на собственном хребте очень непросто.

Серый прошел на кухню. Скользнул взглядом по обстановке, такой же диковинной, как и во всей квартире, и шагнул в сторону плиты. Не без волнения распахнул дверцу духовки и, заприметив в глубине металлический короб, облегченно вздохнул. Открыв крышку, он увидел пачку долларов, заботливо перетянутую резиночкой.

Достав из кармана мобильный телефон, Серый набрал нужный номер:

– Это я. Как там наш клиент?

– Держится бодрячком, хотя, кажется, наложил в штаны. А как у тебя?

– Все в порядке, – произнес Серый, аккуратно распахивая пачки долларов в карманы куртки. – Как говорят в таких случаях, клиент всегда прав.

– Что с ним делать?

Серый на секунду задумался. Карманы распирало от тугой валюты. Самая приятная тяжесть, которую он когда-либо испытывал в своей жизни. Это настраивало его на миролюбивый лад.

– Пусть убирается куда глаза глядят. Но сначала передай ему от меня привет, и непременно горячий, чтобы он надолго запомнил нашу встречу, – пожелал Серый.

Гончар довольно хохотнул:

– Я тебя понял.

– Ну, давай, – произнес Серый и отключил телефон.

Он вернулся в комнату. Прощаясь, посмотрел на пышнотелую негритянку. Мимоходом вновь пожалел о том, что невозможно уволочь такую красоту, и шагнул в освещенную прихожую.

Спускаясь по лестнице, он нечаянно зацепил носком ботинка ведро, оставленное кем-то на лестничной площадке. Оно грохнулось и, весело дребезжа, покатилося вниз. Где-то наверху глухо залаяла собака. А на втором этаже тихонько приоткрылась дверь, выпуская наружу седые старушечьи космы.

* * *

– Вот с этими ребятами тебе работать, – кивнул Кочан в сторону антикварного магазина, где стояли трое парней в легких коротких куртках. – Место здесь прикормленное, без копейки не останешься. – Он осклабился. – Скупщики работают бригадой, делятся по справедливости, что в наше время большая редкость. Сейчас ведь каждый под себя норовит грести. У них как раз человека не хватает. Хотели пригласить новичка со стороны, но я порекомендовал тебя. Они мне кое-чем обязаны, так что отказываться постеснялись.

– Лишних вопросов задавать не будут? – спросил Шибанов, стараясь рассмотреть получше будущих коллег.

– А ты думаешь, что на такую работу берут только с трудовой книжкой? Тут все намного проще, понравился людям – работаешь, не понравился – топай дальше.

Шибанов невольно улыбнулся:

– Я и сам никогда не любил бюрократов.

– Ну что ж, начальник, тогда с почином. – Покосившись на спутника, Кочан добавил: – Советую держаться с ребятами по-свойски, тогда быстрее притрешься.

Парни о чем-то негромко переговаривались. При этом их глаза постоянно рыскали в поисках клиентов. Стоило одному из прохожих задержать на них взгляд, как тотчас раздавался приглушенный вопрос:

– Что сдаем?

Приотстав от Кочана на полшага, Шибанов направился к своему трудовому коллективу.

– Привет работникам культуры, – развязно поздоровался Кочан, приближаясь к парням. – Я вам человека привел, как договаривались. Надежный, зуб даю! – заверил он коренастого скупщика с настороженным взглядом.

Тот молча пожевал резинку, а потом буркнул:

– Ладно, поглядим, что за птица.

И отвернулся, давая понять, что разговор закончен.

– Птица самого высокого полета, – бодро воскликнул Кочан. И, обратившись к Шибанову, строго наказал: – С тебя поляна!

Минут через десять подвернулся первый клиент, предлагавший небольшое кольцо с бриллиантами, и парни, коротко переглянувшись, уступили его новичку. Шибанов поблагодарил их едва заметной улыбкой и наугад отсчитал за товар пятьсот баксов. Покосившись на парней, он встретил их изучающие взгляды. Похоже, он не совсем правильно оценил стоимость ювелирного украшения.

На мгновение Шибанов почувствовал себя блохой, на которую направлен мощный окуляр микроскопа, под которым каждое, даже самое незаметное, движение утаить невозможно.

– Переплачивать не надо, – сказали ему. – Конечно, кольцо все равно сбегрится в два раза дороже можно, но клиентуру баловать нельзя. Торгуйся, сбивай цену.

Больше Шибанову разговорами не докучали, и уже через несколько часов работы он чувствовал себя так, как будто полжизни простоял на антикварной точке. К концу дня к нему подошел коренастый. Терзая ногтем мизинца кусочек мяса, застрявший между зубами, он проронил, не глядя на собеседника:

– Послушай, друг, хочу тебя сразу предупредить, у нас тут что-то вроде общего котла. А то вроде бы стояли все вместе, а самые лучшие брюлики кому-нибудь одному достаются. Непорядок. И потом, сбыт у нас налажен, не то что у тебя.

– О чем речь, – по-свойски сказал Шибанов, улыбнувшись, – я порядок уважаю.

– И вот еще что... У нас свои традиции имеются. Ты уж нас уважь, угощение выстави. Посидим где-нибудь, выпьем за знакомство, за жизнь покалякаем.

– Разумеется, – кивнул Шибанов. – Я и сам хотел вам предложить отпраздновать это дело. Только не знал, как вы к этому отнесетесь.

– Отлично отнесемся! Здесь неподалеку ресторанчик есть уютный, вот там и соберемся. Ну, так я, значит, ребятам передам, что в семь вечера ты всех приглашаешь? – Дождавшись утвердительного кивка, коренастый отошел к приятелям, разглядывающим золотое кольцо с крупным изумрудом. Час назад его принесла древняя старуха, и ей предложили за вещицу сто пятьдесят долларов, хотя даже по самым скромным подсчетам оно тянуло не меньше, чем на тонну баксов.

Без четверти семь к пункту подъехал белый «Ланд Крузер». Задняя дверца широко распахнулась, и из салона энергично выпрыгнул голубоглазый парень лет двадцати пяти. Следом, изящно приподнимая полы пушистой шубки, вышла девушка лет восемнадцати. Парень хозяйски обнял девушку за плечи и уверенно направился к настороженным скупщикам.

– Что-то я, в натуре, не улавливаю, – забасил он, бросив короткий взгляд на стоявшего поблизости Шибанова. – Что это за чувырло рядом с вами тусуется?

Шибанов почувствовал, как бурлит в его жилах адреналин, вызывая прилив горячей крови. Первой его мыслью было сграбастать нахала за грудки, сунуть его мордой в почерневший весенний снег и, надавив коленом на затылок, защелкнуть наручники на его запястьях. Но он тут же остыл, вспомнив, что сегодня играет роль вовсе не милицейскую и отнюдь не героическую.

– Послушай, Лимон, – миролюбиво заговорил коренастый, – тут как раз у нас место освободилось. Игорек три дня назад за бугор свалил. Вот Кочан и попросил меня взять вместо него своего знакомого.

– А кто такой этот Кочан?! – неожиданно вспыхнул Лимон. – Он крутой, что ли? И вообще, в натуре, он не в свой огород рыло сунул. За такие дела его можно и на четыре точки поставить!

Шибанов невольно обратил внимание на руки парня – черные от множества «перстней». Но если это был едва ли не обязательный элемент тюремной романтики, то одна наколка, в виде броской короны на среднем пальце, выглядела весьма авторитетно.

– Лимон, как-то неудобно было отказывать, все-таки свой человек, – заискивающе бормотал коренастый, пытаясь погасить беспричинный гнев блондина.

– Ты здесь промышляешь, Генерал, потому что я разрешил, – распинался Лимон. – Но если ты мне разонравишься, то уже через пять минут потеряешь свое место. Здесь я хозяин! Вместо этого хмыря, – он указал пальцем на Шибанова, – с вами будет работать вот эта киска. – Приобняв спутницу за талию, Лимон спросил: – Ну что, довольна, девочка? Видишь, на какое теплое местечко я тебя пристроил? Это ведь лучше, чем совокупляться за день с тридцатью мужиками, так ведь, детка?

Девушка нервно хихикнула и сделала вид, что пытается высвободиться из его объятий.

– Ну что ты такое говоришь, Влад? – жеманно протянула она. – Что обо мне люди подумают?

Посматривая на стоящих рядом мужчин, она как будто определяла, что они представляют собой каждый в отдельности. Взгляд профессиональной проститутки... или наводчицы.

Тем временем Лимон, остановив тяжелый взгляд на Шибанове, произнес:

– А тебе, чмо, я даю ровно шестьдесят секунд, чтобы убраться отсюда. Если после этого я увижу здесь твою физиономию снова, считай, что она у тебя будет крепко подпорчена.

Парень вел себя нагло, с вызовом. Создавалось впечатление, что он провоцировал Шибанова на скандал. Окажись он на Петровке, можно было бы живо научить его хорошим манерам. Например, завести Лимона в сортир и пристегнуть руки к батарее. Посидел бы пару часиков в позе орла, подумал бы над своей невоспитанностью, глядишь, поумнел бы. Отопительный сезон продолжается, и батареи раскалены чуть ли не докрасна, так что малейшее прикосновение к металлу доставляет множество неприятных ощущений. Да и зловонный воздух обладает одним полезным качеством – он очень здорово прочищает мозги.

Но сейчас Шибанов являлся не оперативником, а скупщиком антиквариата, безответным барыгой, уступающим грубому нажиму. Стараясь убедить себя в этом, он молча отвернулся и двинулся вдоль проспекта. Его покорности хватило ровно на пятнадцать шагов. Потом Шибанов сделал разворот на сто восемьдесят градусов и зашагал обратно.

Лимон стоял на прежнем месте, что-то нашептывая на ухо девушке, которая прыскала мелким смешком на каждую его реплику.

– Ты, петушок голубоглазенький! – окликнул его Шибанов.

Лимон обернулся к нему с картинным недоумением:

– Ты еще здесь, терпила? Без разбитой морды уйти не можешь?

Шибанов выбросил руку, и его пальцы, согнутые в суставах, угодили Лимону в кадык. Тот сдавленно закашлялся и, рухнув коленями на мокрый асфальт, ухватился ладонями за горло.

– Это только первый урок, – обрадовал его Шибанов. – Дальнейшее зависит от того, насколько хорошо ты его усвоил.

Крепыш и остальные скупщики изумленно открыли рты. А девица сделалась совсем белой, точь-в-точь как ее симпатичная шубка.

Глава 6

ПЕТЛЯ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Выслушав доклад Шибанова о неудавшемся внедрении к скупщикам, полковник Крылов поднялся и, не сказав ни слова, отошел к окну. Отдернув гардины, он угрюмо принялся рассматривать проезжую часть. Подчиненный же молча созерцал его спину и с тоской думал о том, какие же нелегкие мысли роятся в голове начальника отдела.

У Крылова наблюдалась скверная привычка не отвечать напрямую на доклад подчиненного. Он мог с бесстрастным выражением лица выслушать эмоциональную речь докладывающего и заговорить совершенно об ином. И только в самом конце беседы вернуться к главному. Такая непростая манера диалога сбивала с толку многих, но к полковнику привыкли, и к подобной манере общения относились как к одной из форм его чудачеств. И только небольшой круг людей, близко знавших Крылова, мог утверждать, что он ничего не делает просто так, и даже пауза в разговоре, зависшая ненароком, на самом деле была четко продумана многоопытным следяком. Уже отойдя от активной оперативной работы, полковник продолжал шлифовать на сотрудиках свое мастерство и просвечивал их своим взглядом, словно рентгеном.

– Значит, не удалось?

Шибанов почувствовал в горле горечь, как это бывает от дешевых сигарет. Заесть бы противное ощущение какой-нибудь конфетой, но жевать в присутствии начальника было бы таким же святотатством, как выразиться нецензурной бранью в божьем храме. И потому следовало терпеть и мужественно выдерживать тяжесть начальственного взгляда.

– Не удалось, товарищ полковник, – он понурил голову. – Все они знают друг друга с незапамятных времен и чужаков не принимают. Но, судя по тому, как действуют убийцы, среди скупщиков у них есть свой человек, который дает верные наводки.

Полковник Крылов отошел от окна, повесил на спинку стула китель и снова посмотрел на примолкшего Шибанова. Сел. Улыбнулся, показав желтоватые зубы – ну точно оскал матерого зверя! Весь его вид как будто бы говорил, что он способен сжевать подчиненного мимоходом между обедом и ужином, в качестве полдника. Шибанову вдруг вспомнилось, сколько проштрафившихся сотрудников было вышвырнуто за пределы Петровки с волчьим билетом.

– Что ж, будем считать, что я принял это к сведению, – заговорил Крылов. – Но это не причина для спуска расследования на тормозах.

Шибанов облегченно улыбнулся:

– Так точно, товарищ полковник, не причина. Разрешите идти?

Взглядом, который наградил его Крылов, впору было вдалбливать в косяки дюймовые гвозди. Но в этот раз буря прошла стороной, напоминая о себе лишь громовыми раскатами.

– Ступай. И чтобы к вечеру ты и Чертанов положили мне на стол новый план оперативных мероприятий!

* * *

Коренастый тип неуверенно переступил порог кабинета и уныло застыл у двери, не решаясь проходить дальше. Шибанов мгновенно узнал в нем своего коллегу по недолгому антикварному бизнесу, но бросаться навстречу с распростертыми объятиями не спешил. Вместо этого многозначительно посмотрел на Чертанова.

– Проходи, – сказал Михаил. – Вот стул, садись... Да ты не робей, мы не кусаемся.

– Видел я, как вы не кусаетесь, – буркнул Генерал, покосившись на Шибанова. Продолжая бормотать что-то невразумительное, он приблизился и сел на краешек предложенного стула.

– Вижу, тебе не нравится в милиции, – улыбнулся Михаил.

– А вы мне назовите хотя бы одного человека, которому бы здесь нравилось! – с неожиданным вызовом произнес Генерал. – Не считая, конечно, самих мусо... гм, ментов.

Встреча начиналась интересно. Собеседник напоминал иглокожего, распутившего ядовитые колючки во все стороны.

– То ли будет, если ты нам вдруг чем-то не понравишься, – мило улыбнулся Михаил.

– К тебе здесь пока что с пониманием относятся, – подключился Шибанов, – по-приятельски, можно сказать.

Генерал поморщился:

– Ничего себе, по-приятельски! Вломились в мою хату двое мордovorотов, шороху на весь подъезд навели и уволокли на Петровку!

Самый благоприятный момент, чтобы проявить разумное великодушие. Можно было бы даже вызвать бойцов и в присутствии задержанного слегка укорить их за жесткое обращение. Иногда такой спектакль помогает установить взаимопонимание. Шибанов даже поднял трубку, чтобы добросовестно сыграть роль «добротого мента», но, натолкнувшись на жесткий взгляд Генерала, понял, что подобный номер с ним не пройдет и действие сорвется, не дотянув до конца первого акта. Перед ним сидел умный и очень внимательный собеседник, который мгновенно распознает любую фальшь. С таким следовало вести себя как можно естественнее.

– Извини, – сказал Шибанов, – так уж получилось, просто нам нужно было побыстрее с тобой переговорить.

– Ага! – враждебность из голоса задержанного не исчезла. – А зачем нужно было цирк на пяточке устраивать? Меня Лимон, если узнает, что я мента пригрел, со свету сживет!

– Не узнает, – пообещал Шибанов.

– Кстати, а почему тебя Генералом зовут? – спросил Михаил, чтобы перевести беседу в нейтральное русло.

– А-а, – махнул коренастой рукой. – В прапорщиках три года отслужил... Чем от генерала отличаюсь? Звезды-то у нас одинаково расположены, только у него они большие, а у меня маленькие. Ладно, напрасно ты мне в душу лезешь, я уже рассказал твоим коллегам все, что знал.

Михаил усмехнулся:

– Но нам-то не рассказывал.

– У меня уже язык заплетается одно и то же говорить!

Невидимые ядовитые колючки продолжали топорщиться, но у Михаила не было ни времени, ни желания гладить такого несговорчивого типа по шерстке.

– Вот что, Генерал, – сухо сказал он. – Я не собираюсь тут с тобой ворковать. Считай, что лимит терпения у меня исчерпан. Если ты не прочувствуешь, то обещаю тебе несколько незабываемых ночей в обезьяннике... Кстати, как поживает твой сын? Давно не виделись? – безмятежно спросил Михаил, поигрывая газовой зажигалкой.

Враждебность Генерала сменилась откровенной растерянностью. Теперь он понимал, что на Петровке не только успели ознакомиться с его личным делом, но также изрядно покопались в его далеком прошлом.

После развода Генерал не баловал сына вниманием, а когда спохватился, было уже поздно. Парень успел подрасти и обзавестись приятелями – такими же никчемными балбесами, каким стал сам. Сколько ни пытался Генерал наставить сына на путь истинный, тот упрямо шел по выбранной скользкой дорожке, пролежавшей по самому краю пропасти. В прошлом году парень чудом избежал решетки – в деле о сбыте наркотиков он проходил как один из главных свидетелей, но менты всегда могли направить дело на следствие. И худшие подозрения Генерала подтвердились.

– Хочу сказать тебе по секрету, – понизил голос Михаил, – что в известном тебе деле открылись новые обстоятельства. Не исключено, что оно будет пересматриваться заново. И тогда твоему сыну может грозить срок.

Генерал потемнел лицом:

– Запугиваете? Хотите заставить меня на своих стучать?

– Это кто же тебе «свои»? – вмешался Шибанов. – Может быть, Лимон? Или беспредельщики, которые антикваров мочат?

Михаил подался вперед:

– Мы только хотим гадину вычислить, что между вами завелась и наводки убийцам дает. Поможешь – не только на твои мелкие грешки глаза закроем, но еще и сыну твоему поможем... В разумных пределах, разумеется.

– Хорошо, – сдался Генерал. – Спрашивайте...

– А ты попробуй своими словами.

– Ну, я антиквариатом давно занимаюсь. Торговал сначала иконами. Был период, когда они очень хорошо шли за рубежом, а старухи продавали их буквально за копейки. По деревням ездили. Большие деньги имели... Потом появился спрос на ордена и медали. Они шли очень хорошо, особенно дореволюционные – на них камушки дорогие и золото высшей пробы. А сейчас несут и спрашивают в основном женские украшения. – Генерал задумался и продолжал: – На первый взгляд может показаться, что нас, скупщиков, много, но это не так. Мы все друг друга давно знаем, и прорваться в наш круг не так-то просто. Конечно, у нас тоже есть своя текучка кадров, но человека мы всегда берем по рекомендациям, как, например... – Он запнулся, укоризненно покосившись на Шибанова. – Но если новичок нам чем-то не понравится, то мы даем ему отбой.

– И как же это происходит?

Генерал выразительно хмыкнул:

– Методом убеждения.

– Бьете, что ли?

– Зачем? Беседуем. Убеждаем человека найти себе другое хобби.

– А если он все-таки не пожелает уходить?

– Как так не пожелает? – искренне возмутился Генерал. – Я так, например, за свое место насмерть бился и биться буду!

– Вот! – оживленно воскликнул Михаил. – А если кто-то на негостеприимный прием обиделся и захотел отомстить?

Генерал усмехнулся:

– Всем подряд? А заодно и рэкетирам Варяга?

– А Лимон? – подкинул другую версию Шибанов.

Пальцы Генерала зашевелились, как щупальца осьминога:

– Я уже размышлял по этому поводу и могу сказать вам однозначно: нет! Несмотря на всю напускную крутость Лимона, кишка у него тонка. А потом ему просто невыгодно нас в расход пускать. Ему точка такой стабильный доход приносит, что нет ему резона скупщиков грабить.

– От наших рабочих версий ты камня на камне не оставил, – признал поражение Михаил. – Ну, так теперь выдвигай свою!

Лицо Генерала слегка дрогнуло, лоб избороздили морщины:

– А, ладно, чего уж тут темнить, когда такие дела заворачиваются... На днях одного из наших подкараулили и в лес вывезли. Там живьем закопать грозилась, если не скажет, где деньги прячет. Пришлось отдать. А это ведь не просто деньги, а оборотный капитал, благодаря которому мы все и крутимся! Парень теперь работать не сможет...

– Он что, жив остался? – быстро спросил Михаил, с трудом сохраняя спокойствие. – И ты можешь его назвать?

Майора охватил охотничий азарт. Именно такой холодок в груди обнаруживается тогда, когда видишь на свежеснеженном снегу отчетливые отпечатки хозяина уссурийской тайги. Бывалый охотник нагнетается и даже понюхает неостывший след, надеясь уловить запах только что прошедшего зверя.

– Могу, – после непродолжительного размышления отвечал Генерал, потерев пальцами острый подбородок. – Но мне бы не хотелось, чтобы мое имя всплывало в каких-либо протоколах.

– Не всплывет! – в один голос пообещали оперативники, а потом более невыдержанный Шибанов выкрикнул: – Имя! Как зовут потерпевшего?

– Виктором его зовут. – Помолчав, Генерал уточнил: – Виктор Порядин.

* * *

– Вы присаживайтесь, – доброжелательно указал на стул Михаил Чертанов, едва Порядин перешагнул порог его кабинета. – Как говорится, в ногах правды нет. Вот сюда, пожалуйста, вам здесь поудобнее будет. – Внимательно проследил за тем, как гость облюбовал самый краешек стула, и мимоходом подумал о том, что высидеть в таком положении ему удастся не более пяти минут. – Догадываетесь, зачем мы вас пригласили?

Виктор Порядин выглядел затравленным. Точная копия полевого зверька, лишённого привычного места обитания.

– По поводу убийств... Вы же сейчас всех вызываете, – с некоторой надеждой в голосе произнес Порядин.

– Вы можете что-нибудь сказать по этому поводу?

Взгляд Порядина блуждал по кабинету, мимоходом задевая стоящую на столе пепельницу, тяжелые гардины и угол громоздкого шкафа. Так поступает человек во время допроса, когда его взгляд жалит свет яркой лампы. Если бы Михаил не знал о том, что Порядин является потерпевшей стороной, то наверняка бы заподозрил, что за его душой прячется дюжина смертных грехов.

– То же самое, что и все. Убивают наших какие-то ублюдки, а кто – неизвестно.

В самом центре стола торжественно стояла стеклянная пепельница, до самых краев наполненная обмусоленными окурками. Самое обидное заключалось в том, что курить Михаил бросил три дня назад, но не удосужился очистить пепельницу и сейчас, глядя на нее, ощущал в горле вкус табака. Майор вдруг поймал себя на желании вытащить из пепельницы наиболее смачный «бычок» и засмолить его, как это случалось с ним только в безалаберной молодости.

Он не без усилия отвел взгляд от пепельницы и спросил:

– А поконкретнее?

Губы Порядина беспомощно задрожали:

– Что вы имеете в виду?

– Может быть, угрожали кому-нибудь из ваших близких? Ну, скажем, отвозили куда-нибудь в укромное место, где пытали, запугивали...

Порядин заерзал на стуле, пытался отыскать более удобное положение.

– От этих мерзавцев всего можно ожидать, – уклончиво ответил он.

– Кстати, – скучно сказал Михаил, – а почему вы перестали работать на точке?

– Вы и об этом знаете? – невесело усмехнулся гость. – А если я вам отвечу, что у меня нет денег, вы поверите мне?

Михаил изобразил удивление:

– Вот как? А ведь все вас считают удачливым... Как-никак вы имеете самых солидных клиентов, у вас очень неплохие связи, богатый опыт работы. Я даже слышал, что вы собираетесь менять свою нынешнюю машину на новый джип... «Мицубиси Паджеро», кажется.

– Хм... Однако вы хорошо подготовились к нашему разговору. Вижу, что навели обо мне неплохие справки. – Не спрашивая разрешения, Порядин достал из кармана старинный портсигар с двуглавым орлом и выудил из него сигарету. – Обычно я не распространяюсь о своих планах. О них знал только очень ограниченный круг людей. Только одного не пойму, зачем вам все это нужно?

Порядин чиркнул зажигалкой и сладко затянулся, пустив струйку дыма в стол. Разбившись о полированную поверхность, она медленно разошлась во все стороны. Майор уловил запах дорогих сигарет, и под его языком образовался обильный ком слюны.

– Можно полюбопытствовать, куда же делись все ваши деньги? – спросил он.

– А куда они обычно деваются? – беззаботно отвечал Виктор Порядин. – Пропил, растратил на баб, проиграл в казино. Деньги обладают одной неприятной особенностью – они очень трудно зарабатываются и очень легко тратятся.

Михаил недоверчиво усмехнулся:

– Вы правильно заметили, что, прежде чем встретиться с вами, я действительно кое-что о вас узнал. Женщины? Допускаю, что вы способны тратить на них деньги. Но опять-таки в пределах разумного. Не отдавать же, в конце концов, за ночь удовольствия тысячу баксов!

Глаза Порядина сладко прищурились, отчего он стал напоминать мартовского кота, только что вернувшегося с ночного вояжа по крыше.

– Смотря какая женщина.

– Не спорю, разные бывают женщины. Но тысячу баксов за ночь можно воспринимать всего лишь как разовую акцию. Не тратить же на них все капиталы. А что касается казино, то, насколько мне известно, человек вы не азартный. Я даже знаю, почему.

– Просветите. – Лицо Порядина напряглось.

– Три года назад вы в пух и в прах проигрались в казино «Фиалка». И поклялись больше не брать в руки карт и не играть в рулетку. Слово свое вы сдержали и с тех пор в злых местах присутствовали только в качестве наблюдателя.

Порядин помрачнел:

– Никогда не думал, что в милиции на меня собирается досье.

– Я даже могу сказать вам, какую сумму вы проиграли в тот злополучный вечер.

– Освежите память.

– Сто тысяч долларов. Еще в девять тысяч баксов вы оценили свою девушку, с которой пришли в тот вечер в казино.

– Пьяный был, – процедил сквозь зубы Порядин.

– Больше вы с ней не встречались?

Порядин болезненно поморщился.

– Нет.

Михаил понял, что нащупал нужную болевую точку.

– Кажется, она работала в модельном бизнесе? – спросил он и, не дождавшись ответа, продолжил: – Успокойтесь, судьба ее сложилась благополучно. В тот же вечер ее перекупил один из солнцевских авторитетов. Они так и остались вдвоем, сейчас у них растет сын.

– Вот как, не ожидал, – слова Порядина сопровождались вздохом облегчения. – А вы неплохой утешитель, товарищ майор. О карьере священника, часом, не помышляли?

Михаил лишь сдержанно улыбнулся:

– Не думал.

– Ладно, сдаюсь, – поднял Порядин руки вверх. От сигареты к потолку потянулся тоненький дымок. – Чего вы от меня хотите?

– У меня один простой вопрос, кто на вас наехал?

Порядин нервно затянулся сигаретой и грубовато поинтересовался:

– Прямо уж так сразу?.. Ладно, расскажу. На меня напали двое, прямо в моем подъезде. Обычно наш подъезд всегда освещен. Я сам слежу за этим, вкручивая лампочки, если перегорят. А тут темнота, и мне это сразу не понравилось. Однако большого значения я этому не придал. Мало ли что? И, как оказалось, совсем напрасно. Поднимаюсь к себе на этаж, а эти козлы меня уже ждут. В общем, чего тут рассказывать... финку и пистолет наставили, сказали, чтобы деньги отдал. При себе у меня немного имелось. Вывалил им все, что было. А им этого показалось мало. Знали, козлы, что я не бедствую. Какая-то сука им про мои запасы шепнула, или сами как-то вычислили. Не знаю! Вывезли они меня в лес... Думал, порешат, ну и признался как на духу. Деньги у меня в духовке лежали – выгребли все, подонки!

– Лица их запомнил?

– Да какие там лица! – зло отмахнулся Порядин. – В масках они были.

Он нервно стряхнул пепел, и Михаил обратил внимание на то, что цели гость не достиг, – сигаретный прах просыпался рядом с пепельницей.

– Может, вы отметили в поведении нападающих что-нибудь особенное? Может быть, на руках приметы какие-то были?

– Да какие там приметы! – отмахнулся Порядин. – Голова у меня совершенно другим была занята – убьют или не убьют.

– И все-таки постарайтесь, вспомните. Может, они как-то обращались друг к другу?

– Ну не помню я!.. Хотя постойте, – произнес Порядин после некоторого раздумья. На его лице промелькнуло выражение, очень напоминающее воодушевление. – Только не знаю, поможет вам это или нет...

– Для нас важна любая информация.

– Мизинец на левой руке у одного из них был обрублен. Он все время распоряжался, видно, за главного был.

– Мизинца не было полностью?

– Нет. Оставался маленький обрубок. Ну, может быть, с сантиметр.

– Ладно, это уже кое-что. А у второго ничего запоминающегося не было?

– Нет... Но по голосу я бы его узнал. Он как-то с хрипотцой разговаривал и слова тянул.

– Тогда такой вопрос, вы можете назвать остальных коллег, которые подверглись ограблению? – стараясь скрыть нарастающее возбуждение, спросил Михаил.

– Хорошо, – не без внутреннего сопротивления сдался Порядин. – Я назову вам этих людей. Только давайте сразу определимся, чтобы мое имя нигде не светилось. Я боюсь!.. Эти люди настоящие звери! Надо видеть их глаза – убьют, даже не задумываясь. А у меня на дальнейшую жизнь имеются кое-какие планы.

– Обещаю, – сказал Михаил и, вновь заметив на лице Порядина некоторое колебание, сдержанно поторопил: – Итак, слушаю...

* * *

Полковника Крылова Михаил нагнал у самого выхода. Услышав оклик, Геннадий Васильевич приостановился и устремил взгляд в сторону служебной «Волги», вокруг которой, пиная от скуки скаты, прогуливался водитель – рослый прапорщик лет тридцати.

– У тебя что-нибудь серьезное? – спросил он, направляясь к машине.

Михаил пристроился рядом и быстро заговорил, стараясь подогреть интерес начальства:

– По антикварному делу выяснились некоторые интересные подробности. Первое то, что грабителей было двое. Работают они в масках. Вывозят своих клиентов в лес, где пытаются и требуют признаний.

Крылов, не сбавляя шага, продолжал топтать к своей машине, и Михаилу приходилось чуть ли не кричать ему вслед. При последних словах Геннадий Васильевич неожиданно резко остановился, и Михаил едва не разбил лоб о полковничий затылок.

– Информация достоверная? – азартом блеснули полковничьи глаза.

– Абсолютно, товарищ полковник. Удалось побеседовать с потерпевшим, подвергнувшимся нападению, и он обо всем рассказал.

– Продолжай, – полковник Крылов нервно посмотрел на часы. – У меня сейчас совещание в мэрии. Вызывают по какой-то ерунде, – выдавил он из себя с досадой. – Ну, так что там?

Сказано это было таким тоном, как будто ради беседы с майором полковник готов был пропустить важное совещание. Однако не стоило обольщаться, действительность выглядела иначе. Частенько от посещения подобных «тусовок» во многом зависела личная карьера. И люди, отвечающие за организацию многолюдных сборищ, ревниво зафиксировали каждого отсутствующего.

Михаил торопливо заговорил:

– Не совсем ясно, почему именно это ограбление не закончилось убийством. – Задумавшись на мгновение, добавил: – Трудно сказать, почему это произошло, но не исключаю возможность, что после такого жирного куша в преступниках проснулось что-то похожее на великодушные насытившегося тигра-людоеда.

– При чем здесь тигр? – поморщился полковник. – Просто психика убийц обычно неуравновешена, а потому действия их во многом непредсказуемы.

Михаил пожал плечами:

– Возможно. Наверняка мы знаем одно: намеченную жертву они дожидаются в подъезде, чаще всего на верхних этажах, предварительно вывернув в подъезде лампочки. И следят из окон за ее приближением.

Полковник задумчиво кивнул.

– Фоторобот составили? – поинтересовался он.

– Дело в том, товарищ полковник, что нападали они в масках. Потом заталкивали свою жертву в машину и увозили за город, где и пытали.

– Как именно пытали?

– Как это обычно происходит – избивали, закапывали в землю, прижигали тело сигаретами. В общем, полный перечень садистских технологий.

– Ясно, – слегка качнул головой полковник.

– У одного из преступников обнаружилась особая примета, – сказал Михаил. – На левой кисти отсутствует мизинец.

– Это уже кое-что. Отпечатки пальцев обнаружены?

– Нет, товарищ полковник.

Крылов сделал неторопливый шаг в сторону проезжей части, и «Волга» тотчас подрулила к обочине. Перевалившись через кресло, шофер распахнул переднюю дверцу. Геннадий Васильевич не спешил скрываться в салоне, демонстрируя всем своим видом, что интересы дела для него куда предпочтительнее скучного заседания в мэрии.

– Ладно... хорошо. У меня сейчас нет времени... Нужно ехать. А ты мне подготовь служебную записку по этому делу. А то наверху, – полковник поднял глаза к небосводу, – очень интересуются, как проходит следствие, – и, не прощаясь, расторопно погрузился в машину, подхватив полы плаща.

«Волга», отыскав крохотную брешь в потоке транспорта, юркнула туда и устремилась вперед. Время было не позднее, но смеркалось быстро, и на автомобилях веселыми светлячками сияли габаритные огни. Михаил заторопился к ближайшему телефону-автомату. Едва набрал номер, как трубка отозвалась мягким женским голосом:

– Слушаю.

Михаил знал, что обольщаться не стоит, и сдержанно произнес:

– Это я. Узнаешь?.. У меня тут выдалась свободная минутка, решил позвонить.

С минуту в трубке царила напряженная тишина, после чего раздалось зловещее шипение:

– Лучше бы у тебя этой минуты не было. Я же тебе уже говорила, что между нами ничего нет. Мы с тобой чужие люди. А потом... у меня есть другой. Не унижайся!

Первое, что пришло ему на ум, так это наговорить Наталье целый воз гадостей, а потом с размаху опустить телефонную трубку на рычаг аппарата. Так, чтобы змеиные интонации заплутали в микросхемах. Но, подумав, Михаил решил не горячиться. Не хватало, чтобы его сцапали под ручки постовые менты рядом с родным управлением за мелкое хулиганство. Неприятность выйдет.

Выждав должную паузу, проникновенно пожелал:

– Надеюсь, он тебя доводит до оргазма, моя радость.

И очень осторожно установил трубку на место.

Настроение было испорчено. Хорошо, если только на остаток вечера, а не жизни.

На улице было зябко. Странно, что он не почувствовал холода раньше. И вообще, погода была не по-весеннему стылой. Единственное, что сейчас оставалось, так это отогреться крепленным винцом в каком-нибудь уютном баре.

Михаил подошел к краю тротуара и вскинул руку. И тотчас, обгоняя друг друга, на небрежный жест устремились две «девятки» – одна белого, а другая вишневого цветов. А вдоль бровки, подрезая эти машины, вырулила простенькая «единичка» с покореженным бампером. Дверь мгновенно распахнулась, и из салона, с перекошенным от азарта лицом, выглянул рябой парень.

– Куда спешим, шеф?

Водитель белой «девятки», примчавшийся первым, метнул злой взгляд в сторону рябого нахала, другой – протестующе надавил на клаксон и скрылся за проезжавшим автобусом.

Михаил не сумел сдержать улыбки:

– Давай на проспект Мира, – уверенно распорядился он, – а там я тебе скажу куда. Душа праздника просит.

– Понял, – восторженно проговорил рябой, втыкая первую передачу, – моментом доставлю.

– Ну уж постарайся, – хмыкнул Михаил и, не спрашивая разрешения у водителя, достал из внутреннего кармана куртки пачку сигарет, совсем позабыв о том, что несколько дней назад бросил курить.

В работе Михаил Чертанов не знал удержу, и потому сослуживцы уважительно окрестили его Бесом. Точной копией Беса он представлялся друзьям и в часы редкого досуга. Тогда милицейская форма с диким гиканьем забрасывалась под кровать, а в бунтующей натуре просыпалась кровь удачных таежников. Не зная удержу, Михаил метался из одного ресторана в другой, просиживал до утра в казино, где, случалось, его партнерами бывали прежние «клиенты», и, разбросав пальцы «веером», они до хрипоты спорили о несовершенстве Уголовного кодекса.

В такие дни Михаил ничего не делал наполовину и терял чувство меры. И если садился за стол с выпивкой, то не поднимался из-за него до тех пор, пока со дна последней бутылки не выкатывалась последняя капля, а пустые блюда из-под салатов не превращались в импровизированные пепельницы. А если заявлялся к женщине, то не слезал с нее, пока от истощения не начинали вваливаться щеки.

Оба этих «беса» не только удачно уживались в Чертанове, но даже представляли собой некоторый симбиоз. И если бы один из них нежданно переродился, то другой от душевной тоски непременно бы увял.

Стоило Михаилу подъехать к ресторану, как в нем проснулся разудалый гуляка, способный без разбору сорить деньгами. Сунув руку в карман, он вытащил ворох мятых купюр и

небрежно швырнул их на приборную панель. У рябого водителя от такой щедрости невольно округлились глаза. Онемев от восторга, он сграбастал деньги в кулак и торопливо сунул их в карман, лишь сдержанно кивнув на прощальное «будь здоров». Михаил же, вполне довольный собой, заторопился в ресторан, готовый погрузиться в мир порока, словно в глубокий омут.

Денег было не жаль. Абсолютно! Они не задерживались в его карманах, как если бы подкладка пиджака состояла из одних огромных прорех. И Михаил Чертанов с улыбкой думал о том, что в его жилах течет испорченная кровушка его далеких предков, способных проматывать многомиллионное состояние в течение нескольких дней.

В ресторане Михаила дожидались.

Из-за стола, расположенного почти в центре зала, поднялся крепкий молодой мужчина лет тридцати пяти, с заметно поредевшей макушкой. Он широко и приветливо раскинул руки и, не скрывая радости, которую излучала его круглая физиономия, направился в сторону Михаила:

– Посмотрите, какого человека принесло к нам! Да это же сам Бес! – громогласно восторгался мужчина. – Сколько же тебя здесь не было?

– Месяц.

– Месяц? – удивленно воскликнул мужчина. – За это время мы столько водки выпили, что и не сосчитаешь. Эх, Мишуня, как много же ты потерял! – Двое сотрапезников, сидящих за столом, подтвердили сказанное заговорщицкими улыбками и приветливо вскинули руки. – А сколько баб мы за это время перетрахали!

Улыбка Михаила сделалась шире, обнажились зубы – белые, как пролитое молоко. Поздоровавшись с каждым из сидевших за столом, он по-деловому отозвался:

– Я не переживаю, на мой век баб хватит.

Лысоватый поднял указательный палец, и тотчас у столика материализовался лощеный официант, который, уважительно согнувшись, поинтересовался в духе халдеев старорусской России:

– Чего изволите?

– Братан, ты вот что... давай организуй нам что-нибудь эдакое. Закусочку погорячее, а к ним – водочку похолоднее.

Официант, слегка наклоняя ухоженную голову, что – то бегло черкнул в своем кожаном блокнотике. На его губах блуждала дежурная полуулыбка, за которой просматривалась надежда на щедрые чаевые.

– Сделаем все в лучшем виде.

– Ты постарайся, шеф, а я, со своей стороны, тебя не обижу. Тут у меня, понимаешь, такой гость!

«Шеф» немногословно, как и подобает официанту, заверил заказчика в оперативности и мгновенно удалился на кухню.

Лысоватый без конца похлопывал Михаила по плечу, что-то весело говорил ему, и было заметно, что он искренне обрадован встречей. Хозяин застолья вел себя раскованно, распорядился небрежно, как человек, который большую часть жизни провел в ресторанах. Оба его приятеля, изрядно раскрасневшиеся от выпитого, тоже выглядели довольными жизнью.

– Вот скажи, Бес, сколько ты там у себя зарабатываешь? Триста долларов? Четыреста? – куражился лысоватый.

– По-всякому бывает, – уклончиво отозвался Михаил и, задрвав подбородок, влил в рот стопку водки.

С минуту он сидел неподвижно, как бы прислушиваясь к приятному ощущению внутри, а потом его глаза прошли по столу, отыскивая подходящую закуску. Выбор пал на селедочное филе, нарезанное тонкими ломтиками. Рядом утопал в растительном масле нашинкованный лучок.

– Разве дело в деньгах? – спросил Михаил, с аппетитом жуя селедку. – Люблю я свое дело, вот и все.

– Дурень ты, – ласково протянул лысоватый, приобняв его за плечи. – Сколько же лет мы друг друга знаем?..

– Да лет десять будет.

– Вот видишь, десять лет!.. Разве бы я тебе плохое место предложил? Будешь в моей компании начальником охраны. По большому счету, это второй человек в организации. Обещаю тебе даже неплохой процентик с прибыли. А это уже немалые деньги. С твоей-то энергией и хваткой мы ого-го как развернемся!.. А потом, считай, ты ведь не на пустое место идешь. У меня все отлажено, как хорошие швейцарские часы. Я вот здесь сижу, с тобой разговариваю, а мне денежки в один из зарубежных банков непрерывным ручейком текут.

Михаил энергично ковырял лучок, давая понять этим, что незатейливая закуска интересует его гораздо больше заманчивого предложения.

– Представляю, что будет, скажем, лет эдак так через пять, – съязвил он. – Когда ручеек превратится в бурлящую реку.

– А что, – очень серьезно отреагировал собеседник, – скорее всего, так оно и будет в действительности. Ушел-то я из органов всего лишь четыре с половиной года назад и за это время сумел очень крепко раскрутиться. И знаешь почему? Связи! Ведь были люди, которые мне многим обязаны. Когда-то я помог им, а пришло время, и они выручили меня. Возьмем теперь тебя... У тебя в должниках, Бес, едва ли не половина делового мира числится. Переходи ко мне, Мишуня. Мы с тобой такие большие дела закрутим, что господин Рокфеллер в сравнении с нами покажется просто нищим! – потряс кулаками лысоватый.

Хозяин застолья совершенно не стеснялся своих спутников, одобрительно кивающих в такт его словам. Каких-то три года назад это были честолюбивые опера, а ныне – обыкновенная пристяжь у удачливого бизнесмена. Парни напрочь лишились собственного голоса, как будто бы у них отнялся язык. Вот что делает с людьми боязнь лишиться легких и очень больших денег.

Михаил невесело хмыкнул – незавидная, однако, ему предлагалась участь. Лично он предпочитал сохранять полную свободу. Да, он порой работал на Егора Ларина, чтобы иметь деньги на такси, рестораны и женщин. Но независимый консультант – совсем не то, что штатный сотрудник. И, если очередная просьба Ларина казалась Михаилу не вписывающейся в рамки закона, он всегда мог отказаться. Иногда вовремя сказанное «нет» стоит всех необдуманных «да».

– А ты, Егор, не боишься, что твоей персоной заинтересуются твои бывшие коллеги? – поинтересовался он, устремив взгляд на заставленный блюдами стол. На этот раз внимание майора привлекли маринованные грибочки. Уложенные невысокой горкой, в окружении какой-то ядовито-яркой зелени, они заманчиво поблескивали своими влажными шапочками.

Ловко подцепив маленький грибок, Михаил словно бы невзначай посмотрел на приятеля. Лицо того, еще минуту назад безмятежное, вдруг посуровело, напомнив Михаилу прежнего Ларина – матерого следака с очень грозной репутацией, которого невозможно было напугать ни строгим выговором, ни стволом, направленным в грудь.

За соседним столиком, вяло цедя кока-колу, сидели трое телохранителей Егора. На лицах невообразимая скука, как будто своим присутствием они делали одолжение не только сидящим в ресторане, но и всему остальному миру. И только их глаза, совершенно трезвые, жестко фиксировали малейшее передвижение в зале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.